
Семь ночей
с
Ледяным
драконом
Олеся Руданская

Олеся Руданская

Семь ночей с Ледяным драконом

«Автор»
2026

Руданская О.

Семь ночей с Ледяным драконом / О. Руданская — «Автор», 2026

Мне приказали погасить маяк перед штормом. Я ослушалась — и той же ночью увидела сигнал бедствия.Из ледяного моря я вытащила мужчину, которого обвиняют в гибели четырнадцати человек.Рейнар Таль — могущественный Ледяной дракон с раненым крылом. Он утверждает, что прежний корабль заманили на рифы ложным огнем. И теперь кто-то готовит такую же ловушку у моего острова.За рифами укрылось пассажирское судно. На борту восемьдесят четыре человека. Запас масла тает, помощь отрезана штормом, а неизвестный враг уже добрался до маяка.Рейнар привык отдавать приказы. Я не позволю ему командовать моей жизнью. Но, чтобы спасти людей, нам придется научиться доверять друг другу.У нас всего семь ночей.Семь ночей, чтобы сохранить свет, раскрыть преступление и не погибнуть.И чем ближе последний рассвет, тем страшнее мне думать, что дракон уйдет, а я останусь.

© Руданская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приказ погасить огонь 5
Глава 2. Человек из ледяной воды 21
Глава 3. Запас до рассвета 42
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Олеся Руданская
Семь ночей с Ледяным драконом

Глава 1. Приказ погасить огонь

— До шести вечера маяк должен быть погашен.

Брам Денн положил на стол сложенный вчетверо лист и придавил его тяжелой ладонью, словно опасался, что бумага улетит.

Я посмотрела на часы.

Без четверти три.

— Повтори, пожалуйста.

— Эльна, я три раза повторил. Это распоряжение службы маяков. Закрыть огонь, запереть фонарную камеру и покинуть станцию до прихода шторма.

— Я спрашиваю не о том, что здесь написано. Почему я должна погасить исправный маяк?

Брам шумно выдохнул. Он был крупным мужчиной с красным от ветра лицом и такими густыми бровями, что, когда сердился, они почти соединялись над переносицей. Я знала его с детства. Когда-то он помогал отцу менять крепления на причале, а позже устроился к подрядчику, который снабжал остров оборудованием.

Обычно мы ладили. Сегодня он разговаривал со мной так, будто я нарочно мешала ему закончить работу.

— Потому что сектор сбился, — объяснил он. — Так в бумаге и сказано.

— Я читала. Кто обнаружил неисправность?

— Проверяющая комиссия.

— Когда?

— Мне откуда знать?

— Комиссия должна была приехать сюда. Я никого не принимала.

Брам наконец убрал ладонь.

— Может, они проверяли с моря.

Я развернула распоряжение. Плотная бумага была сухой, несмотря на дождь, который начался еще утром. Внизу стояла печать, похожая на служебную, несколько подписей и короткая приписка о том, что движение через западный проход временно прекращено.

Одна строка была особенно неприятной.

«Суда уведомлены. Огонь Черного маяка погасить до наступления темноты».

— Где подтверждение от береговой службы? — спросила я.

— Какое еще подтверждение?

— О закрытии прохода. Его должны прислать отдельно.

— Слушай, мне дали пакет. Я доставил. С остальным разбирайся сама.

— Этим я и занимаюсь.

Я достала журнал распоряжений, раскрыла его на последней заполненной странице и положила рядом с новым листом.

Последняя запись о проверке сектора была сделана мною четыре дня назад.

Сегодня должна была прийти очередная поставка масла. Вместо нее утром появилась лодка с Брамом, ящиком инструментов и приказом выключить единственный надежный ориентир на всем западном подходе.

Совпадение не нравилось мне, но для обвинений его было недостаточно.

— Ты уже смотрел механизм? — спросила я.

— Нет.

— Тогда откуда уверенность, что сектор смещен?

— Эльна, я ремонтирую причалы. Мне за это платят. За решения начальства — нет.

— А за доставку масла?

Он поморщился.

— Должны были привезти отдельно.

— Когда?

— После шторма, видимо. Сама понимаешь, какая погода.

Я понимала. Именно поэтому отсутствие поставки беспокоило меня сильнее, чем обычно.

За окном порыв ветра ударил в ставню. Та дернулась, но удержалась на крюке. В печной трубе загудело.

Брам повернул голову.

— Ты же не собираешься сидеть тут одна?

— А кто будет следить за станцией?

— Ее приказано закрыть. Неужели нельзя хотя бы раз сделать, как велят?

Я посмотрела на него.

— Можно. Когда приказ не угрожает кораблям.

— Кораблей не будет.

— Откуда ты знаешь?

— Здесь написано, что движение закрыто.

— Если я перепишу это в журнал, проход от этого не опустеет.

Он отодвинул стул и поднялся.

— Делай что хочешь. Только потом не говори, что тебя не предупреждали.

Я встала следом.

— Идем наверх.

— Куда?

— Проверять сектор. Ты принес распоряжение из-за неисправности. Посмотришь, есть ли она.

Брам потер подбородок.

— Мне еще нужно успеть на южную пристань. Там крепления не проверены.

— Пять минут.

— Ты на этой башне пять минут только по лестнице ходишь.

— Тогда десять.

Он взглянул на часы над дверью, потом на мое лицо.

— Ладно. Веди.

Я забрала распоряжение и пошла к крытому переходу.

Черный маяк стоял на северной возвышенности острова, примерно в восемнадцати километрах от порта Ровен. Если небо было ясным, с верхней галереи можно было увидеть береговые холмы. Сам порт скрывался за высоким мысом. В хорошую погоду такое расстояние казалось незначительным. В плохую можно было целыми днями смотреть на море и не увидеть ни одного человека.

Я служила здесь шестой год. До этого помогала отцу, а затем получила собственное назначение после обучения и экзаменов. Станция принадлежала государству, и управление ею было моей работой, а не семейной привилегией.

Но каждый раз, когда я поднималась по винтовой лестнице, рука привычно находила на перилах гладкий участок, где отец когда-то заменил треснувшую деревянную накладку.

Он умер четыре года назад.

За это время я поменяла две лампы, перебрала привод, пережила шесть сильных штормов и получила три благодарности от капитанов, которым наш огонь помог найти подход.

Ни один из них не спрашивал, удобно ли мне было оставаться на станции.

Наверху пахло металлом, маслом и влажной солью. За стеклами фонарной камеры море постепенно теряло цвет. До настоящего шторма оставалось несколько часов, но низкие тучи уже закрыли дальний горизонт.

Я открыла журнал обслуживания.

— Вот последняя проверка, — сказала я. — Положение линзы, шторок и цветного сектора. Все соответствует контрольным отметкам.

— Четыре дня прошло.

— За четыре дня механизм не мог незаметно повернуться вместе с каменным основанием.

— Я не специалист.

— Поэтому смотри.

Я сняла защитный кожух с контрольной шкалы, проверила положение стопоров и выставила оптику по нанесенным меткам. Красный сектор приходился на опасную кромку рифов, белый — на безопасное направление подхода.

Потом взяла компас и сверила показания с таблицей станции.

Брам стоял за моей спиной, засунув руки в карманы.

— Видишь? — спросила я.

— Вижу железки.

— Стрелка показывает правильное направление. Стопоры на своих местах. Крепления целы. Кто-то мог ошибиться при наблюдении с моря, но здесь я не вижу причины выключать огонь.

— Значит, напишешь наверх.

— Уже собираюсь.

Я проверила шторки. Они ходили свободно, без заеданий.

При работе лампа давала два белых проблеска за двенадцать секунд. Этот ритм знали капитаны, проходившие вдоль нашего берега. Ошибка в положении цветного сектора могла отправить судно на риф, и я не стала бы спорить с приказом, если бы нашла хоть один признак такой неисправности.

Но все было исправно.

— Доволен? — спросил Брам.

— Не особенно.

— Ты всегда такая упрямая была.

— А ты раньше не пытался заставить меня выключить маяк перед штормом.

Он отвернулся к окну.

Несколько секунд смотрел вниз, на хозяйственный двор, потом произнес:

— Последняя лодка уходит через час. Не опоздай, если передумаешь.

— Я не собираюсь уезжать.

— Сменщик-то где?

— В Ровене.

— До сих пор?

— Он повредил ногу. Замена должна была прибыть с понедельничным рейсом.

— А сегодня уже четверг.

— Я заметила.

На прошлой неделе сменного смотрителя увезли после неудачного падения на лестнице. Врач велел ему несколько недель не нагружать ногу. Нового сотрудника назначили, но из-за ухудшения погоды его прибытие сначала перенесли, потом отменили.

Три дня я работала одна.

Ничего приятного в этом не было, однако оборудование позволяло вести вахту без непрерывного присутствия возле лампы. Привод имел запас хода, а жилой дом соединялся с башней крытым переходом.

Справляться было возможно. Особенно если снабжение приходило вовремя.

Брам подхватил свою сумку.

— Еще раз советую подумать.

— Я подумаю, когда получу ответ службы.

— До вечера ответа не будет.

— Значит, подожду здесь.

Он покачал головой и направился к лестнице.

Я проводила его вниз, заперла дверь в световую камеру и вернулась к столу.

В распоряжении говорилось о неисправности, но не было ни даты последнего наблюдения, ни названия судна, с которого ее обнаружили. Подпись начальника отдела выглядела привычно. Печать тоже.

Мне не нравилось сомневаться в документе только потому, что он мне не подходил.

Я решила проверить его установленным порядком.

Взяла чистый лист и написала запрос:

«Черный маяк. Начальница станции Эльна Сорен. Получено распоряжение о прекращении работы огня по причине смещения опасного сектора. Проверкой на месте неисправность не подтверждена. Прошу удостоверить действительность приказа и факт уведомления судов о закрытии западного прохода».

Ниже указала время, поставила подпись и приложила копию распоряжения.

Оригинал остался у меня.

Выйдя во двор, я сразу пожалела, что не застегнула воротник. Ветер проник под рубашку и обжег мокрой прохладой. От низкого каменного ограждения летели брызги.

Дорога к северной служебной площадке проходила между двумя скальными уступами. Там при хорошей погоде можно было принять небольшую лодку с почтой или хозяйственными грузами. Основная южная пристань находилась дальше, на другой стороне острова.

Сегодня лодка уже стояла у северной площадки. Один из матросов укладывал брезент на ящики, другой держал канат.

— Подождите! — крикнула я.

Молодой матрос в синем плаще обернулся.

— Госпожа Сорен? Мы отчаливаем.

— Мне нужно передать бумаги.

Он протянул руку.

— В Ровен?

— Да. Лично в службу маяков. Если отдел закрыт, сдайте под расписку утром. Там должно быть отмечено время получения.

Матрос посмотрел на конверт.

— Что-то случилось?

— Пока нет.

Сказала и сама услышала, насколько неубедительно это прозвучало.

Он убрал конверт в непромокаемую сумку.

— Передам.

— Как тебя зовут?

— Питер.

— Спасибо, Питер. И не задерживайтесь у внешней косы. Ветер меняется.

— Капитан уже сказал.

Старший матрос с кормы махнул мне рукой. Мы встречались несколько раз, хотя его имени я не знала.

— Эльна! — окликнул он. — Дождетесь смены?

— Дождусь.

— Если шторм будет сильнее прогноза, раньше трех дней никто не придет.

— У меня есть вода, уголь и исправная крыша.

— А масло?

— Пока есть.

Я не стала объяснять снабженческому матросу, сколько именно осталось топлива. Он ничем не мог помочь, а лодка уже опасно раскачивалась у причала.

Оттолкнувшись багром, мужчины вывели ее за выступ скалы.

Я стояла на площадке, пока суденышко не скрылось за серой полосой дождя.

За следующие несколько дней я должна была увидеть множество корабельных огней. Но тогда мне казалось, что именно этот, исчезающий за волнорезом, унес последнюю возможность спокойно решить возникшую проблему.

Впрочем, ничего страшного еще не произошло.

Я вернулась к станции.

По дороге встретила Брама. Он шел со стороны южной тропы, неся две короткие доски и железный ящик.

— Не уехала? — спросил он.

— Как видишь.

— Еще можно было успеть.

— Ты остаешься?

— У причала надо укрепить настил. Сомневаюсь, что завтра смогу туда добраться.

— Заказчик разрешил тебе переждать шторм на острове?

— У меня договор на ремонт. Домик сухой, припасы есть. Не первый раз остаюсь.

Это было правдой. Во время предыдущих ремонтов Брам ночевал в хозяйственном домике у южной пристани. Даже зимой там можно было растопить печь.

— Если будешь пользоваться нижней кладовой, записывай все в ведомость, — сказала я. — Я хочу знать, какие детали забирают со станции.

Он поднял глаза.

— Что это вдруг?

— Нас теперь двое, а сменщика нет. Не хочу потом искать инструменты по всему острову.

— Не беспокойся, твою любимую отвертку не утащу.

— Прекрасно. Остальные тоже оставь.

Брам коротко усмехнулся.

— Вся в отца.

Услышав это, я почему-то рассердилась сильнее, чем от его прежних замечаний.

— До шести я не обещаю ничего выключать. Если получу подтвержденный приказ и убедюсь, что движение действительно закрыто, исполню его. Иначе действую по правилам станции.

— Только не вздумай устраивать мне неприятности.

Я остановилась.

— А какие неприятности я могу тебе устроить?

Он помедлил.

— Напишешь, будто я плохо передал распоряжение. Потом начнут таскать по конторам.

— Я запишу то, что произошло.

— Вот это я и имею в виду.

Он пошел дальше, оставив на мокрой дорожке глубокие следы сапог.

Мне захотелось окликнуть его и спросить, чего он так нервничает из-за обычной бумажной работы. Но в следующее мгновение новая порция дождя ударила в лицо, и я поспешила к дому.

Отцу Брам нравился. Они могли часами спорить о креплениях и толщине досок, а потом вместе ужинать на нашей кухне.

Я не собиралась делать из человека преступника только за то, что он сегодня был раздражен.

К тому же причин для раздражения хватало у всех.

В мастерской на подоконнике стояла чашка недопитого чая. Он давно остыл, и на поверхности плавала тонкая пленка. Я вылила чай, поставила свежую воду на печь и открыла ящик с ведомостями.

Запас горючего требовал внимания.

Плановое снабжение задерживалось. Мне полагалось получить новые емкости, фитили и два запасных набора креплений, но из всего заказанного утром привезли только бумаги и инструменты Брама.

Впрочем, даже без поставки оставался аварийный запас.

Я спустилась в хозяйственное помещение.

Здесь было прохладнее, чем наверху. Каменный пол отдавал сыростью, а под потолком тихо покачивалась лампа на крюке, хотя дверь была закрыта. Вентиляционные отверстия выходили на подветренную сторону.

Я проверила пломбы на емкостях и измерила доступный запас масла. Результат записала в рабочую тетрадь: двадцать два целых и две десятых литра.

На обычную спокойную вахту этого хватило бы с запасом. Но если придется держать полный огонь несколько ночей подряд, расход окажется серьезным.

Я закрыла емкости и поднялась в мастерскую.

Затем проверила спасательное оборудование.

Большинство приезжих думали, что работа смотрителя состояла в том, чтобы поджечь фитиль и любоваться морем из окна. Мне иногда хотелось пригласить таких людей на осеннюю проверку берегового спуска.

В северной бухте под башней располагалась старая спасательная площадка. Каменный путь выводил от нее к нижнему береговому уступу, где находилась стационарная лебедка. Рядом стоял запираемый сарай с салазками, канатами, блоками и плавучими спасательными кругами.

Этим оборудованием пользовались редко, но проверяли исправно.

В начале месяца я заменила один из канатов и смазала зубчатую передачу лебедки. Теперь еще раз осмотрела барабан, защелку тормоза и крепления. Потом протянула контрольный груз по направляющей.

Тяжелый мешок медленно пополз вверх, оставляя мокрый след на камне.

Я отпустила рукоять.

Тормоз удержал вес.

— Хорошо, — сказала я вслух.

На пустом острове иногда было полезно слышать человеческий голос, даже собственный.

Под навесом я проверила переносной спасательный конец, карабины и страховочную обвязку. Салазки лежали на месте, полозья были целы. Внутри оставались ремни, которыми следовало закреплять пострадавшего при подъеме.

Ветер усиливался.

Далеко в море волны начали подниматься длинными темными рядами. Белая пена задерживалась на камнях дольше обычного. Возле внешнего выступа бухты вода уже разбивалась с таким звуком, будто кто-то опрокидывал телегу с булыжниками.

Я поднялась к дому и заперла двери.

Через кухонное окно было видно северную площадку. Пустой причал, мокрые ступени, натянутую страховочную веревку.

Никакой лодки.

Я поставила на стол тарелку с хлебом и сыром. Есть не хотелось, но предстоящая ночь не обещала отдыха. Проглотив несколько кусков, открыла рабочий журнал и заново прочитала полученное распоряжение.

Что, если комиссия действительно заметила неисправность с моря, а я ее пропустила?

Эта мысль была неприятной именно потому, что я не могла полностью ее исключить.

Механизм мог исправно вращаться, а направленный луч при определенном положении оказаться неверным. Для такой проверки требовался внешний наблюдатель.

Но при серьезной ошибке в секторе нормальный порядок состоял не в том, чтобы оставить корабли без ориентира перед штормом. Должны были закрыть движение, известить капитанов, поставить временный знак.

Ни одного подтверждения мне не прислали.

Я взяла линейку и разложила карту.

Западный проход шел между двумя цепочками рифов. Красный сектор предупреждал о северной гряде. Белый свет помогал удерживать безопасное направление, особенно в плохую видимость.

Ближе к острову находился Каменный карман — защищенная стоянка, куда при необходимости могли укрыться суда среднего размера.

Вход был узким, но достаточно глубоким при подходящей воде.

Если капитан знал этот берег, он мог попытаться переждать там шторм.

Если не знал, рассчитывал на наш маяк.

Я коснулась кончиком карандаша отметки Черной башни.

Отец однажды сказал мне, что самый опасный день для смотрителя наступает не тогда, когда ломается оборудование, а когда ему начинают объяснять, что оборудование больше никому не нужно.

Я тогда была моложе и посчитала это одной из его привычных мрачных шуток.

Теперь мне было не до смеха.

За стеной что-то стукнуло.

Я подняла голову.

Сначала подумала, что сорвало крюк на ставне. Потом услышала знакомый металлический удар: штормовой ветер раскачал внешний колокол.

Колокол висел у входа в башню и предупреждал о сильных порывах. Я закрепила его после проверки, но сейчас раскачка стала достаточно сильной, чтобы язык задевал край.

В пять часов двадцать минут я поднялась в фонарную камеру.

Небо потемнело раньше положенного. Сквозь стекла тянулись мутные полосы дождя.

Я проверила фитиль, резервуар, привод и установку цветного сектора. Подготовила лампу к работе, но пока не зажигала.

Распоряжение лежало в кармане куртки.

Шесть вечера приближалось.

У меня оставалось меньше часа, чтобы решить, как поступить.

Я пыталась представить, что скажу начальнику службы, если окажется, что приказ подлинный.

«Ваша комиссия не предоставила мне необходимые сведения».

Неплохое объяснение.

Правда, в служебном разбирательстве хорошие объяснения не всегда помогают.

За самовольное нарушение распоряжения могли отстранить от работы. Если из-за моих действий судно получит неверный сигнал, последствия будут куда серьезнее.

Я вновь открыла журнал.

Отмечать решение требовалось до включения огня, а не после, когда становился известен результат.

Я поставила время проверки и записала:

«Указанная неисправность на станции не подтверждена. Документ о закрытии прохода получен без обязательного удостоверения береговой службы. Запрошено подтверждение».

Перо задержалось над следующей строкой.

Поставить подпись под отказом было сложнее, чем спорить с Брамом.

Я отложила перо и подошла к окну.

На море почти ничего не было видно.

На западе дождь скрыл горизонт. Ближе к острову серые волны переходили в черные. Вода в Каменном кармане оставалась спокойнее, хотя и там ветер срывал с гребней белые клочья пены.

Я направила зрительную трубу на дальний подход.

Пусто.

Еще левее.

Тоже ничего.

И вдруг над полосой воды возник красный свет.

Один короткий всполох.

Я замерла, прижимая глаз к окуляру.

Свет исчез.

Прошло несколько секунд.

Вспыхнул второй.

Я быстро передвинула трубу на отметку западного подхода.

Третий красный сигнал поднялся чуть выше предыдущего и погас в дождевой завесе.

Я отступила от окна.

Три красных огня с короткими промежутками.

Сигнал бедствия.

На западном подходе находилось судно, которому требовалась помощь.

Какое именно, я пока не могла разобрать. Но оно было там.

А в распоряжении значилось, что все капитаны предупреждены и движение прекращено.

Я положила бумагу на стол, взяла спички и открыла доступ к лампе.

Пальцы слушались хорошо. Никакой дрожи, никакой суеты. Я слишком много раз выполняла эту последовательность, чтобы сейчас искать нужный рычаг.

Сначала проверка подачи масла.

Затем фитиль.

Огонь схватился сразу.

Я дала пламени выровняться и увеличила подачу до полного рабочего режима. Прогретая оптика приняла свет; линза направила его на море.

Потом завела автоматический привод и проверила ход шторок.

Первый белый проблеск ушел в темноту.

За ним второй.

Механизм выдержал паузу и повторил цикл.

Два белых проблеска за двенадцать секунд.

Черный маяк работал.

Я еще раз осмотрела лампу, закрыла кожух и вернулась к трубе.

Судно появилось в разрыве дождя неожиданно близко. Темный корпус, две мачты, косой дым из трубы вспомогательной машины. Оно шло неровно, временами поворачивая нос навстречу волне.

Потом исчезло.

Я подождала следующего проблеска.

Белый свет выхватил часть борта.

Судно держалось к северо-западу от опасной гряды. До входа в защищенную стоянку ему оставалось пройти несколько кабельтовых.

Я взяла сигнальный журнал и сверилась с порядком ответов. Сейчас капитану было важнее видеть надежный ориентир, чем получать от меня длинное сообщение.

Через некоторое время на судне мелькнул короткий белый огонек.

Не аварийный красный сигнал.

Подтверждение наблюдения.

Они увидели наш маяк.

Я почувствовала, как напряжение в плечах немного ослабло.

Теперь требовалось не мешать.

Я держала трубу у окна и следила за положением судна. Время от времени дождь полностью закрывал его, и оставалось только ждать следующего просвета.

Однажды корпус появился значительно левее, чем я рассчитывала. Мне захотелось подать дополнительный сигнал, но я остановила себя.

Капитан видел собственный компас, промеры и положение рифов. Я не знала, что происходит у него на палубе, и не собиралась угадывать курс вместо него.

Через двадцать минут судно медленно ушло за северный выступ скалы.

В Каменном кармане оно сможет держаться на якоре, если капитан правильно оценил глубину и ветер.

Более точные сведения появятся только после установления связи.

Я посмотрела на часы.

Шесть часов двадцать одна минута.

В журнал внесла время включения лампы и причину:

«Приказ о прекращении работы огня не исполнен. В 17 часов 58 минут с западного подхода принят установленный сигнал бедствия. Включен полный свет. Судно подтвердило наблюдение ориентира и проследовало к защищенной стоянке».

Под записью поставила свою подпись.

Эльна Сорен.

С этого момента решение было официальным.

Я сложила распоряжение и убрала его в сухой шкаф для служебных документов.

Пусть разбираются, когда закончится шторм.

Пока мне нужно было сохранить огонь.

В семь вечера я проверила привод и подачу масла. В половине восьмого поднялась на галерею, пристегнув страховочный пояс к кольцу у двери.

Ветер едва не сорвал капюшон.

Дождь бил наискосок. Я обошла галерею настолько, насколько позволяла страховка, осмотрела крепления наружных рам и вернулась внутрь.

Механизм работал ровно.

Внизу, в доме, шумела печь.

Я сварила крепкий чай и принесла кружку в дежурную комнату. Оттуда через небольшое окно можно было видеть часть моря и слышать, как вращается привод.

Обычно я любила эти часы.

Когда огонь уже зажжен, все проверки сделаны, а вокруг темнеет, в доме появлялось особенное спокойствие. Можно было читать книгу, чинить одежду или просто сидеть возле печи, не чувствуя необходимости куда-то спешить.

Сегодня я не могла сосредоточиться даже на чае.

Я снова и снова вспоминала слова Брама.

«Кораблей не будет».

Интересно, что он сказал бы, если бы собственными глазами увидел сигнал бедствия?

Наверняка пожал плечами и признал, что в конторе ошиблись.

Я хотела верить именно в это.

Долгие годы знакомства давали человеку право на объяснение, но не избавляли меня от обязанности проверять его слова.

В половине девятого я снова поднялась наверх.

Судно стояло в Каменном кармане. Его огни время от времени появлялись сквозь дождь. Машина, судя по дыму, еще работала. Точного положения якорей я не видела.

Я отметила наблюдение.

Затем проверила запад.

Темно.

Сильный ветер заметно изменил направление. С северо-запада он начал заходить почти с севера. Вода ударяла в каменную стену под башней, и даже через толстые стекла доносился низкий гул.

Я уже собиралась отойти от окна, когда увидела движение над морем.

Сначала показалось, что это обрывок паруса, поднятый ветром.

Свет маяка выхватил из дождя широкую светлую поверхность.

Она появилась над волнами, исчезла, затем вновь попала в луч.

Я приблизила трубу.

И не сразу поверила собственным глазам.

В воздухе летел дракон.

Не корабельный, нарисованный на гербе или вырезанный из дерева. Настоящий. Огромный, светлый, почти серебряный в белых проблесках маяка.

Он держался очень низко.

Обычно драконы, пересекавшие наше побережье, поднимались выше облаков либо шли над морем на безопасном расстоянии от скал. Я не раз видела их во время службы, но никогда — в такую погоду.

Дракон резко накренился.

Одно крыло раскрылось широко, другое осталось под странным углом.

Он попытался выровняться.

Не смог.

В очередном проблеске я увидела, как его хвост ушел вниз, а передняя часть тела дернулась вверх, словно он из последних сил сопротивлялся падению.

Потом свет погас на положенную паузу.

Когда лампа снова осветила тот участок моря, дракона уже не было в воздухе.

Я бросилась к другому окну.

Ничего.

Только белая пена на черной воде.

Может быть, он пролетел ниже края скалы. Может, сумел уйти за остров.

Я не знала.

Но падение выглядело слишком резким.

Я схватила карту и быстро определила направление последнего проблеска. Северный берег. Узкая каменная бухта под спасательной площадкой.

Там проходило течение, которое во время северного ветра прижимало предметы к береговому уступу.

Если дракон упал неподалеку, его могло вынести туда.

Если он остался в драконьем облике, я все равно не смогла бы помочь ему одна. Слишком тяжелое тело, слишком сильные волны.

Однако сама мысль спокойно вернуться к чаю была невыносима.

Я проверила завод механизма. Привод мог работать без подзавода достаточно долго, чтобы я успела добраться до нижней площадки и вернуться. Лампа была заправлена, подача масла установлена.

Времени терять не следовало.

Я надела плотную куртку, взяла фонарь с закрытым стеклом, веревку и спасательную сумку.

У дверей остановилась.

Ветер выл так, что казалось, будто снаружи кто-то дергает ручку.

Я вернулась на шаг и взяла еще один карабин.

Потом вышла.

Путь к северному спуску занял больше времени, чем обычно.

Дождь заливал лицо. Камни стали скользкими, в низинах собиралась вода. Я шла быстро, но на крутых участках придерживалась закрепленных вдоль тропы канатов.

Когда добралась до спасательного сарая, руки уже замерзли.

Внутри было темно. Я поставила фонарь на полку, сняла с крюка обвязку и закрепила ее поверх куртки. Проверила узел на страховочном конце, затем вытащила салазки из сарая.

Деревянные полозья с металлическими накладками тяжело скрипнули по камню.

Я подтянула их к верхней части спуска и закрепила на подъемном канате лебедки.

Сначала нужно было узнать, есть ли вообще кого спасать.

На нижней площадке стоял старый железный столб с кольцом для страховки. Я пристегнула к нему конец обвязки и, удерживая фонарь возле бедра, подошла к краю.

Внизу бушевала вода.

Узкая бухта принимала волны с северо-запада. На внешних скалах они разбивались почти полностью, но внутрь проходили тяжелые толчки, от которых вода взлетала на несколько локтей.

Я подняла фонарь.

Свет выхватил мокрую стену, пену, обломок доски.

Ничего живого.

Я подождала.

Следующая волна поднялась выше предыдущей, ударила в камни и отхлынула, оставив на уступе водоросли.

И тогда я увидела человеческую руку.

Она лежала на мокром камне возле самого края воды.

Я чуть не уронила фонарь.

— Эй!

Ответа не было.

Я наклонилась ниже.

Между двумя скальными выступами лежал человек. Большую часть его тела скрывала вода. Светлые волосы прилипли ко лбу, одна рука была неестественно вытянута в сторону.

Он не двигался.

Откуда здесь взялся человек, если минуту назад я видела дракона?

Вопрос мог подождать.

Следующий вал уже приближался.

Я закрепила фонарь на железном крюке, схватила спасательный багор и начала спускаться к нижней полке. Страховочный канат натянулся за спиной.

Два шага.

Еще один.

Вода ударила по сапогам.

Я пригнулась, пережидая брызги, и протянула багор к человеку.

Не хватило.

Пришлось переступить на соседний камень.

— Слышишь меня? — крикнула я.

Он не шевельнулся.

Я вытянула багор до конца и зацепила широкий ремень на его груди.

Наконечник соскользнул.

Повторила попытку.

На этот раз крюк удержался за металлическую петлю.

Я потянула.

Тело сдвинулось совсем немного.

Мужчина оказался тяжелым. Вода помогала мне, пока поднимала его, и тут же тянула обратно, когда уходила.

Я попробовала снова, пользуясь движением следующей волны.

Ремень натянулся.

Человек повернулся на бок, и я увидела темное пятно на спине.

Кровь.

В голове быстро сложилось самое неприятное объяснение: он мог умереть раньше, чем я его заметила.

Но я еще не проверила.

Отложив багор, я подтянула спасательный конец и приготовила петлю. При очередном подъеме воды удалось приблизить мужчину настолько, что я достала до его плеча.

Кожа была холодной.

Я нащупала пульс на шее.

Слабый.

Но он был.

— Живой, — сказала я себе.

Ветер унес слово.

Мужчина вдруг вздрогнул и попытался вдохнуть. Изо рта вырвалась вода. Он закашлялся, но глаза не открыл.

— Тише, тише. Не двигайся.

Я старалась говорить спокойно, хотя прекрасно понимала, что он меня, возможно, не слышит.

Петлю провела под руками и затянула поверх ремней его снаряжения, оставив возможность дышать. Проверила положение веревки и начала тянуть к более высокому участку полки.

Здесь пригодилась спасательная лебедка.

Сначала я закрепила свободный конец на стационарном блоке и направила канат так, чтобы натяжение приходилось вдоль каменного уступа. Затем поднялась к рукояти.

Пришлось оставить мужчину внизу всего на несколько минут.

Эти минуты показались длиннее всей прошедшей недели.

Я крутила лебедку, пока канат не натянулся, затем остановилась и проверила положение тела.

Он лежал чуть выше линии обычного прибоя, но очередная большая волна все еще могла достать его.

Я снова спустилась.

Мужчина был без сознания. Дыхание оставалось неровным. На его груди блестели металлические пряжки, часть ремней была порвана.

Я освободила один застрявший ремень, проверила, не мешает ли страховочная петля, и вернулась к лебедке.

Тянуть пришлось медленно.

В какой-то момент его сапог зацепился за выступ. Я закрепила тормоз, спустилась, освободила ногу и снова начала подъем.

От усилия заболели плечи.

Рукоять больно натирала ладони.

Когда тело наконец оказалось на сухой части площадки, я согнулась, упершись руками в колени.

Перед глазами плясали темные пятна.

Отдохнуть получилось совсем недолго.

Мужчина кашлянул.

Я опустилась рядом.

— Слышишь меня?

Он приоткрыл глаза.

В свете фонаря они показались светлыми, почти прозрачными. Но взгляд не задержался на моем лице.

— Свет...

Голос был хриплым, едва различимым.

Я наклонилась ближе.

— Что?

Его пальцы слабо сжали рукав моей куртки.

— Не... гасите...

Он попытался сказать еще что-то, но закашлялся.

Я повернула его на бок настолько осторожно, насколько позволяли рана и снаряжение, и дождалась, пока дыхание станет свободнее.

— Маяк горит, — сказала я. — Слышишь? Я его не выключала.

Он перестал сжимать мой рукав.

Глаза закрылись.

Я быстро проверила дыхание и пульс.

Жив.

Но если оставить его на холодном ветру, долго он не продержится.

Я передвинула салазки к краю площадки, зафиксировала тормоз и раскрыла ремни.

Перетащить на них мужчину оказалось труднее, чем я рассчитывала.

Он был высоким, широкоплечим, а мокрая одежда и летное снаряжение добавляли веса. Раненую сторону нельзя было дергать.

Пришлось уложить его сначала на бок, затем постепенно передвинуть на полотно, стараясь не выворачивать поврежденное плечо.

Когда наконец удалось закрепить ремни, я была мокрой не меньше, чем он.

— Если выживешь, — пробормотала я, подтягивая последний ремень, — будешь должен мне новую спину.

Мужчина не ответил.

Я проверила крепления, поднялась к лебедке и начала вытягивать салазки по подготовленному спуску.

На этот раз вес распределялся лучше.

Полозья шли по направляющим, иногда застревая на стыках камня. Зубчатая передача скрипела, но работала.

Я останавливалась, чтобы проверить ремни, затем снова крутила рукоять.

Когда салазки добрались до верхней площадки, мне захотелось лечь рядом и хотя бы минуту не двигаться.

Но до теплого дома оставалось еще несколько сотен шагов.

Я закрепила переносную тяговую петлю, переставила салазки на более ровную дорожку и начала тянуть их к станции.

Тропа здесь поднималась полого. Все равно приходилось отдыхать у каждого большого камня.

Дважды я проверяла дыхание мужчины.

Один раз ему удалось повернуть голову. Он произнес что-то неразборчивое и снова затих.

За моей спиной мерно вспыхивал маяк.

Два белых проблеска.

Пауза.

Еще два.

Привод работал.

Однажды, остановившись возле поворота, я подняла голову и долго смотрела на свет.

Мне стало немного легче.

На море оставалось судно. Люди на нем рассчитывали увидеть именно этот огонь.

Я не могла позволить себе забыть о них даже ради человека, которого вытаскивала из воды.

Наконец впереди появился дом.

Я открыла дверь, втащила салазки в переход и закрыла за собой тяжелую створку.

Ветер сразу стал тише.

Печь продолжала гореть.

В помещении пахло сухими дровами и моим недопитым чаем.

Я проверила часы.

Без двадцати одиннадцать.

С момента падения дракона прошло больше часа.

Меня трясло от холода и усталости. На колене саднила ссадина, которую я не заметила на берегу. Пальцы почти не сгибались.

Но у меня в доме лежал живой человек.

И я собиралась сделать все, что могла, чтобы он остался жив.

Я подтащила салазки к комнате сменного смотрителя.

Кровать была узкой, с крепким деревянным основанием. Сухие простыни хранились в шкафу. Там же стоял ящик с запасными одеялами.

Я сбросила мокрую куртку, растопила печь сильнее и подготовила место.

Переносить мужчину с салазок пришлось постепенно. Я разъединила крепления, подложила плотное полотно и, используя край кровати как опору, с трудом переместила его на матрас.

Он застонал.

— Я знаю, — сказала я. — Потерпи еще немного.

Уже после этих слов поняла, что обещать ему скорое облегчение не могу.

Я достала аптечный ящик.

В обычном спасательном наборе находилось все необходимое для обработки неглубоких ран, остановки наружного кровотечения, наложения повязок и ухода за пострадавшими до прибытия врача.

Сложных операций проводить я не умела.

Оставалось надеяться, что они не потребуются.

Я осторожно разрезала промокшую ткань у плеча.

Рана находилась в верхней части спины, ближе к левому плечу. Кровь уже частично свернулась, но при малейшем движении начинала выступать снова. Вокруг виднелся большой темный ушиб.

Похоже, мужчина получил несколько повреждений сразу.

Точный характер травмы я определить не могла.

Я промокнула кровь чистой тканью, осмотрела края раны и наложила повязку так, чтобы не стягивать грудную клетку. Тугая перевязка могла затруднить дыхание.

Он снова дернулся.

Я придержала его здоровое плечо.

— Не нужно вставать.

Глаза приоткрылись.

На этот раз он смотрел прямо на меня.

Лицо у него оказалось красивым, хотя сейчас это было последнее, о чем следовало думать. Резкие скулы, прямой нос, светлые брови, упрямо сжатый рот. Возраст трудно было определить, но совсем молодым он не выглядел.

Его взгляд задержался на моем лице.

— Где...

— Черный остров. Маяк.

Он попытался поднять руку.

Не смог.

Я сразу остановила движение.

— Лежите спокойно. У вас ранено плечо.

Мужчина перевел взгляд к окну.

За стеной равномерно стучал механизм привода.

— Огонь?

— Работает.

Он закрыл глаза.

Через несколько мгновений я услышала его неровное дыхание.

Я накрыла его сухим одеялом, оставив доступ к повязке, и снова проверила пульс.

Потом вернулась к мокрому снаряжению, которое сняла с него.

На полу лежали разорванные ремни, плотная ткань, металлические застежки и небольшой вощеный футляр, закрепленный под защитной накладкой. Футляр остался закрытым.

Я не стала вскрывать его.

Сначала требовалось высушить все, что могло испортиться от воды, и убедиться, что при снятии снаряжения не потерялась ни одна важная вещь.

Пока я разбирала застежки, из-под складки ткани выпала серебряная пластина.

Она звякнула о пол и скользнула под край стола.

Я подняла ее.

На лицевой стороне был знак воздушного сопровождения флота: расправленное крыло над узкой линией морского горизонта.

Я узнала его сразу.

Шесть недель назад такое изображение напечатали на первой странице служебного бюллетеня, который доставили на маяк.

В нем сообщалось о катастрофе у Мелового мыса.

Один транспорт погиб на рифах.

Четырнадцать человек не вернулись домой.

Виновность капитана воздушного сопровождения еще расследовали, но его имя уже успели повторить во всех портовых разговорах.

Я повернула пластину.

На обороте сохранилась гравировка.

Несколько цифр, обозначение части и две буквы.

Р. Т.

Я долго смотрела на них.

Потом перевела взгляд на мужчину, лежавшего под моим одеялом.

Светлые волосы.

Поврежденное левое плечо.

Дракон, которого я видела падающим в море.

Я вспомнила портрет из бюллетеня.

Лицо на нем было спокойным и суровым. Под фотографией стояло имя капитана, отстраненного после гибели конвоя.

Рейнар Таль.

Я еще раз посмотрела на пластину.

Совпадение могло оказаться случайным. Знак принадлежал целому подразделению, а инициалы не были доказательством личности.

Но мне захотелось закрыть дверь комнаты на ключ.

Вместо этого я положила пластину на стол, рядом с его вещами, и снова проверила, как он дышит.

Он был ранен.

Он нуждался в помощи.

Кем бы он ни оказался, оставлять его умирать я не собиралась.

Однако теперь у меня было два вопроса, на которые я очень хотела получить ответы.

Почему человек, обвиненный в гибели корабля, появился возле моего маяка именно в ту ночь, когда мне приказали погасить огонь?

И почему, едва придя в сознание, он попросил меня этого не делать?

Глава 2. Человек из ледяной воды

Первым делом я убрала серебряную пластину подальше от кровати.

Не спрятала. Просто положила на полку возле двери, где уже лежали снятые с незнакомца ремни и металлические застежки.

Мне не хотелось, чтобы он открыл глаза и увидел, как я рассматриваю его знак.

Если это действительно Рейнар Таль, мы оба окажемся в довольно неприятном положении. Он — потому что его личность перестанет быть тайной. Я — потому что впустила в дом человека, которого полтора месяца обсуждали во всех прибрежных городах.

Хотя насчет второго я могла себя успокоить.

Я его не приглашала.

Я вытащила его из воды, и на этом мои обязательства перед флотским начальством пока заканчивались.

Мужчина лежал неподвижно. Под одеялом едва заметно поднималась грудь. Я коснулась двумя пальцами его шеи, нашла пульс и посчитала удары.

Чуть чаще нормы, но ровные.

Дыхание тоже стало спокойнее.

Я осторожно проверила повязку. Через ткань проступило небольшое темное пятно. Промокнуть насквозь она не успела.

Хорошо.

Хотя слово «хорошо» плохо подходило к человеку, которого недавно швырнуло с высоты в море.

Я придвинула стул к кровати, поставила на него таз с теплой водой и начала разбираться с оставшейся мокрой одеждой.

Пальцы у меня замерзли так сильно, что я не сразу смогла расстегнуть пряжку на его правом сапоге.

— Ну конечно, — пробормотала я. — У нормальных людей две застежки. У вас семь.

Ответа не последовало.

Я сняла сапоги, осторожно освободила ноги от тяжелых мокрых штанин и накрыла мужчину сухой простыней. Пришлось несколько раз приподнимать одеяло, но я старалась не тревожить поврежденную сторону.

На бедре обнаружился длинный ушиб, на правом предплечье — несколько ссадин.

Левую руку он держал странно, почти не меняя положения. Я не решилась проверять подвижность плеча силой.

Мог быть вывих, повреждение связок или что-то хуже.

Если бы на острове находился врач, я с удовольствием уступила бы ему место.

Но ближайший врач был в Ровене, а между нами начинался шторм.

Я проверила, нет ли других кровоточащих ран, обработала ссадины и укрыла его вторым одеялом.

Руки и ноги постепенно согревались.

Возле кровати поставила кружку с водой, чистую ткань и лампу.

Потом оглядела комнату.

До сегодняшнего вечера здесь никто не жил уже больше недели. Сменщик уехал в больницу, оставив на крючке старую рабочую куртку. На тумбочке лежала начатая книга о морских путешествиях. Под кроватью стоял пустой чемодан.

Теперь на этой кровати лежал дракон.

Мне показалось, что отец, будь он жив, непременно нашел бы по этому поводу какое-нибудь замечание.

Например, спросил бы, собираюсь ли я брать с постояльца плату за испорченное постельное белье.

Я невольно улыбнулась.

Потом вспомнила четырнадцать погибших моряков.

Улыбка исчезла.

Сведения о катастрофе у Мелового мыса пришли на станцию обычным служебным бюллетенем. Я прочитала их за завтраком и до вечера не могла выбросить из головы.

Транспорт с казенным грузом сел на рифы. Вода заполнила трюмы слишком быстро. Часть людей успели поднять на другие корабли конвоя, остальных унесло течением.

Следственная комиссия проверяла действия капитанов, лоцманов и воздушного сопровождения.

Имя Рейнара Таля в бюллетене стояло среди первых.

Но там не говорилось, что его признали виновным.

Я хорошо помнила эту разницу.

В море ошибаться могли все.

Вопрос заключался в том, какую именно ошибку совершил человек и что он сделал, когда обнаружил ее.

Я снова посмотрела на кровать.

Если он и был тем самым капитаном, то сейчас его главной проблемой оставалось дыхание.

Остальное могло подождать.

Часы в коридоре пробили одиннадцать.

Я поднялась.

Огонь в башне требовал проверки.

Перед уходом еще раз убедилась, что мужчина дышит свободно, что повязка не промокла, а одеяла закрывают его до плеч.

Затем вышла, оставив дверь приоткрытой.

Крытый переход соединял дом с башней на уровне нижнего этажа. В обычную погоду я почти не замечала его длины. Сегодня ветер свистел под крышей, а дождь бил в узкие окна так громко, что приходилось прислушиваться к собственным шагам.

Внутри башни было теплее.

Я поднялась по винтовой лестнице и привычно остановилась возле окна на третьем пролете.

За стеклом — чернота.

Только когда лампа послала очередной проблеск, внизу на мгновение обозначилась линия каменного берега.

Я продолжила подъем.

В фонарной камере привод работал исправно. Движение шторок оставалось ровным, пламя не коптило.

Проверив уровень масла в рабочем резервуаре, я сделала запись и подошла к окну, выходящему на Каменный карман.

Корабль стоял на защищенной стороне.

Дождь почти полностью скрывал его, но иногда я видела два небольших огня, разделенных расстоянием.

Один находился ближе к носу, другой — у кормовой части.

Не аварийные красные.

Значит, по крайней мере сейчас капитан не требовал немедленной помощи.

Я направила трубу немного левее.

Судно почти не сместилось относительно каменного выступа.

Вероятно, якорь держал.

Нельзя было исключать, что экипаж боролся с повреждениями, которых я отсюда не видела. Но пока люди находились на плаву, а наш огонь работал.

Я проверила часы.

Одиннадцать двадцать семь.

Ночь только начиналась.

Я задержалась наверху еще несколько минут, прислушиваясь к механизму.

Когда-то отец научил меня определять некоторые неисправности по звуку. Исправный привод щелкал с одинаковыми интервалами. Если смазка густела или начинала заедать передача, менялся характер короткого металлического стука.

Сейчас звук был ровным.

Я уже собиралась уходить, когда снизу раздался глухой удар.

Я остановилась.

Еще один.

Не колокол. Скорее, что-то упало в доме.

Я быстро спустилась.

В комнате сменщика горела лампа. Мужчина лежал на боку и пытался дотянуться правой рукой до стоявшей на стуле кружки.

При моем появлении он замер.

— Не двигайтесь, — сказала я.

Он посмотрел на меня так, будто хотел возразить.

Но вместо этого хрипло спросил:

— Вода?

Кружка действительно стояла слишком далеко.

Я придвинула стул и помогла ему немного приподнять голову.

— Понемногу. Сначала один глоток.

Он сделал два.

Потом закашлялся.

Я отставила кружку и подождала, пока дыхание выровняется.

— Еще?

Он кивнул.

На этот раз пил осторожнее.

Когда я убрала воду, мужчина несколько секунд смотрел на мои руки. Не на лицо, именно на руки, будто пытался понять, что я сделала с его одеждой.

— Где снаряжение?

— На просушке. Что-то разорвано, остальное цело настолько, насколько я могу судить.

— Футляр?

— Вощеный, с застежкой?

Он сразу поднял глаза.

— Да.

— Здесь. Закрыт. Я его не вскрывала.

Он выдохнул и опустился на подушку.

— Благодарю.

Голос был глубоким, но сейчас звучал сипло.

— За что именно? За футляр или за то, что вы не остались на берегу?

Он чуть повернул голову.

Взгляд задержался на моем лице.

— За оба случая.

Я невольно посмотрела на его левое плечо.

— Во втором случае еще рано благодарить. Вам нужен врач.

— Знаю.

— И желательно не через неделю.

— Знаю.

— Тогда у нас уже есть одна общая мысль.

Его губы едва заметно дрогнули.

Я не была уверена, что это можно назвать улыбкой.

Он попытался приподняться на локте. Раненая сторона сразу отозвалась болью. Я увидела, как напряглась челюсть.

— Лежите.

— Я должен...

Он осекся, будто не хватило воздуха.

— Сейчас вы должны не разойтись по швам на моей постели, — сказала я. — Все остальное обсудим, когда сможете разговаривать, не задыхаясь.

Он посмотрел в сторону окна.

— Маяк?

— Работает.

— Вы...

— Я его не погасила. Вы уже спрашивали.

Он нахмурился.

— Не помню.

— Не удивлена.

За стеной ветер резко ударил в ставню. Мужчина повернул голову на звук, а я заметила, как его правая рука легла на простыню рядом с бедром.

Движение было коротким, почти незаметным.

Но прежде там висело что-то вроде ножен.

Теперь на нем не было оружия.

И он это, кажется, вспомнил.

— Если ищете свое снаряжение, оно в соседней комнате, — сказала я.

Он медленно вернул руку на одеяло.

— Понятно.

Я не стала спрашивать, зачем он пытался нащупать оружие.

После того, что с ним случилось, резкий звук мог испугать любого.

Но запомнила.

— Как вас зовут? — спросила я.

Мужчина молчал.

Я подождала.

Внимательно наблюдала, не потерял ли он сознание снова.

Нет. Он смотрел на меня вполне осмысленно.

— Для начала можете назвать имя, — продолжила я. — Если фамилия вам пока дорога как государственная тайна.

Он несколько секунд будто выбирал ответ.

— Рейнар.

Сердце неприятно толкнулось в груди.

— Рейнар... как дальше?

— Таль.

Я ничего не сказала.

Он заметил.

— Вы знаете это имя.

Вопросом это не было.

— Его печатали в служебном бюллетене.

— Понятно.

Я ожидала, что он начнет оправдываться. Возможно, потребует не задавать вопросов или попросит сохранить его присутствие в тайне.

Вместо этого Рейнар повернулся на спину и закрыл глаза.

Потом произнес:

— Вы можете сообщить обо мне в береговую службу.

— Когда появится возможность, сообщу.

Он открыл глаза.

— Хорошо.

Ответ оказался таким спокойным, что я растерялась.

— Вас не беспокоит, что они могут приехать с охраной?

— Я не скрываюсь от следствия.

— Тогда зачем вы летели над Черным островом в такой шторм?

Он не ответил сразу.

За окном несколько раз скрипнула ставня.

— Мне нужно было попасть сюда.

— С крылом, которое почти не работало?

Его взгляд изменился.

— Вы видели меня в воздухе?

— Видела, как вы падали.

— С какой стороны?

— С северо-запада. Совсем низко над водой.

Он попытался вспомнить.

Это было заметно по тому, как он свел брови и на несколько секунд перестал смотреть на меня.

— Я помню берег. Потом... — Он замолчал. — Ничего.

— На берегу вы были уже человеком.

— Значит, обернулся.

Он сказал это таким тоном, будто сообщил совершенно обычную вещь.

Для дракона, возможно, так и было.

Я видела превращения всего несколько раз. На остров прилетали военные курьеры, однажды — спасатели после весенней бури. Вблизи драконьи облики выглядели одновременно величественно и немного пугающе.

Но никогда прежде мне не приходилось вытаскивать одного из воды.

— У вас повреждено левое плечо, — сказала я. — На спине открытая рана. Я обработала ее и наложила повязку. Крыло не осматривала.

— Оно повреждено.

— Я заметила.

— Насколько сильно?

— Не знаю. Я смотрительница маяка, а не врач по драконам.

Он чуть повернул голову.

— По людям тоже?

— По людям я умею остановить небольшое кровотечение, наложить повязку и не мешать пострадавшему дышать. На этом мои полномочия заканчиваются.

Рейнар опустил взгляд.

— Вы сделали достаточно.

Мне захотелось спросить, кто и где нанес ему такую рану.

Но он побледнел, и я решила, что продолжать разговор пока не стоит.

— Отдыхайте. Я приду через некоторое время.

Я поднялась.

— Как вас зовут? — спросил он, когда я уже дошла до двери.

— Эльна.

— Эльна...

— Сорен. Начальница Черного маяка.

Он едва заметно кивнул.

— Спасибо, госпожа Сорен.

— Если вам станет хуже, зовите. Я услышу, если буду в доме.

— А если будете в башне?

Хороший вопрос.

Я посмотрела на дверь, затем на стоявший в углу старый металлический колокольчик.

Им пользовались раньше, когда комнаты занимали два смотрителя и один заболевал.

Я взяла колокольчик с полки и поставила на тумбочку справа от его здоровой руки.

— Попробуйте.

Рейнар поднял колокольчик.

Раздался негромкий звон.

— Из башни не услышу, — сказала я. — Но между обходами буду проверять вас сама. Если понадобится помощь, пока я рядом с домом, звоните.

Он посмотрел на небольшой предмет в ладони.

— Меня еще никогда не оставляли на попечении колокольчика.

— Значит, вам повезло с прежними ранениями.

На этот раз уголок его рта действительно приподнялся.

— В некотором смысле.

Я вышла, прикрыв дверь.

В коридоре остановилась и прислонилась спиной к стене.

Рейнар Таль.

Настоящий.

Лежал в моей комнате сменного смотрителя, пил воду из моей кружки и благодарил за перевязку.

Я взглянула на руки.

На правой ладони, возле старого шрама от троса, остались небольшие полосы крови. Я тщательно вымыла их и вытерла чистым полотенцем.

Затем открыла дверцу шкафа и достала служебный бюллетень.

Документы я хранила по месяцам, в плотных бумажных папках. Найти нужный было нетрудно.

Сентябрьский выпуск.

Третья страница.

На ней находилось сообщение о катастрофе у Мелового мыса.

Я прочитала текст заново.

Комиссия проверяла действия воздушного сопровождения. Капитана Рейнара Таля временно отстранили от исполнения служебных обязанностей до завершения разбирательства.

Дальше приводилось краткое описание предполагаемого нарушения порядка проверки навигационных сигналов.

Окончательных выводов не было.

В небольшом прямоугольнике рядом с текстом напечатали его портрет.

На фотографии Рейнар выглядел старше, чем сейчас.

Возможно, из-за строгого мундира и неподвижного лица.

В жизни у него были заметнее складки возле рта и тонкая белая полоска старого шрама над бровью.

Я закрыла папку.

Значит, он не солгал о своем имени.

Но вопрос о причине его появления на острове никуда не исчез.

Я вспомнила, что он сказал, когда пришел в сознание на берегу.

«Не гасите».

Откуда он знал о приказе?

Впрочем, тогда он почти не соображал. Мог попросить сохранить свет просто потому, что понимал опасность темного побережья.

Я не стала додумывать ответ.

За последнюю неделю мне достаточно часто приходилось сталкиваться с людьми, уверенно говорившими о том, чего они лично не проверяли.

Не хотелось присоединяться к их числу.

Около полуночи я снова поднялась в башню.

Дождь немного ослаб. В просвете между облаками показалась темная полоска неба.

Я повернула трубу к Каменному карману.

Судно стояло на месте.

Теперь можно было различить высокую носовую мачту и часть надстройки. Возле борта двигался маленький огонь, то исчезая, то появляясь.

Похоже, люди работали на палубе.

Чем именно занимались, я не видела.

Я отметила положение корабля относительно северной скалы и время наблюдения.

Потом проверила полный свет.

Никаких неисправностей.

На мгновение мне захотелось остаться у окна подольше. Смотреть на корабль было легче, чем думать о человеке внизу.

Но я вспомнила его бледное лицо и спустилась.

Рейнар спал.

Я осторожно коснулась его запястья. Пульс стал спокойнее. Кожа уже не была ледяной.

На повязке появилось еще немного крови, но она не пропиталась насквозь.

Я поправила одеяло, подложила дополнительную подушку так, чтобы левая рука лежала удобнее, и направилась к выходу.

— Вы всегда так ходите?

Голос раздался неожиданно.

Я обернулась.

Глаза Рейнара были открыты.

— Как?

— Почти без звука.

— На этой лестнице научилась.

— Я вас не слышал.

— Вы спали.

— Похоже на то.

Он посмотрел на часы над дверью.

— Сколько времени?

— Почти половина первого.

— Ночи?

— Да.

— Вы давно не отдыхали?

Я замялась.

— Смотря что считать отдыхом.

— Сон.

— Тогда давно.

Он нахмурился.

— На станции есть еще кто-нибудь?

— Сейчас нет.

— Сменщик?

— В больнице на материке.

— А техник?

Я удивилась.

— Откуда вы знаете про техника?

Рейнар на секунду задумался.

— У любой станции есть снабжение и ремонт. Я спрашиваю, кто может вас сменить.

— Техник подрядчика находится на острове. Но он не смотритель и не имеет права вести маячную вахту.

— Понятно.

Он перевел взгляд на дверь.

— Вам нужно поспать.

Я почти рассмеялась.

— Совершенно согласна. Как только закончится шторм, обязательно займусь этим.

— Эльна...

— Что?

— Это не приказ.

Я замолчала.

Рейнар смотрел на меня внимательно, без раздражения.

— Я только сказал, что вам нужен отдых.

— А я ответила, что знаю.

— Хорошо.

Он больше ничего не добавил.

Я ожидала продолжения, потому что привыкла к тому, как мужчины в форменной одежде разговаривали со смотрителями.

Сначала сообщали очевидную вещь.

Потом объясняли, что следует делать.

А в конце, если их не слушались, напоминали о собственном звании.

Рейнар не сделал ни второго, ни третьего.

Это показалось мне подозрительнее любого приказа.

— Вас действительно отстранили? — спросила я.

Он не сразу понял, к чему относится вопрос.

— Да.

— Без права отдавать распоряжения?

— От имени флота — да.

— И никаких полномочий на чужом маяке у вас нет?

В его глазах появилось что-то похожее на удивление.

Потом он произнес:

— Даже если бы я оставался на службе, это ваша станция, госпожа Сорен. Я не мог бы приказать вам менять режим ее работы без соответствующего основания.

Я скрестила руки на груди.

— Хорошо.

— Вы хотите установить какие-то условия?

Не ожидала, что он сам спросит.

Но такая возможность меня вполне устраивала.

— Да.

Он кивнул.

— Слушаю.

Я подошла ближе к кровати.

— Во-первых, световая камера закрыта. Без меня туда не входить.

— Хорошо.

— Во-вторых, мои журналы и служебные документы не трогать. Если понадобится что-то посмотреть, спросите.

— Понятно.

— В-третьих, никакой самостоятельной работы с оборудованием. И никаких попыток чинить что-либо с раненым плечом.

На последнем условии он задержался.

— Если возникнет опасность...

— Если возникнет опасность, мы сначала выясним, что можете сделать вы, а что должна сделать я. Иначе у меня будет два пострадавших вместо одного.

— Два?

— Вы и маяк.

Рейнар тихо выдохнул, почти смеясь.

— Убедительно.

— И последнее. Я не собираюсь сейчас выяснять, виновны ли вы в катастрофе. Но если мне потребуется сообщить о вашем присутствии береговой службе, я сообщу.

Он смотрел на меня несколько секунд.

— Это ваше право.

— И вам придется соблюдать правила дома.

— Какие?

— Не входить в мою спальню.

Он поднял брови.

Я почувствовала, как от неожиданной неловкости нагрелись щеки.

— Я имела в виду...

— Я понял, — спокойно сказал он.

И, помолчав, добавил:

— Обещаю не входить.

Я отвернулась к столу.

— Замечательно.

Теперь мне оставалось только уйти с достоинством.

Получилось не сразу, потому что за край стола зацепился рукав.

Рейнар деликатно сделал вид, что ничего не заметил.

В коридоре я наконец позволила себе выдохнуть.

Не знаю, что именно меня смутило.

Наверное, то, что он не попытался спорить.

Я закрыла дверь его комнаты, оставив небольшую щель, и отправилась на кухню.

Чай давно остыл.

Я поставила воду на печь и достала из шкафа сухари.

Снаружи ветер то усиливался, то почти стихал. Такие короткие затишья не сулили ничего хорошего. Между порывами можно было услышать шум прибоя, который стал ниже и тяжелее.

Я села за стол.

Пять минут просидела совершенно неподвижно.

Потом услышала, как за стеной стукнуло дерево.

Поднялась проверить ставню.

Потом вспомнила про журнал.

Потом про лампу.

Когда часы показали час двадцать, я поняла, что за весь вечер так и не поела нормально.

Рассмеялась.

Сама себе я сейчас напоминала старую соседку из Ровена, которая могла трижды проверить, закрыта ли дверь, но забывала снять суп с плиты.

Я разогрела оставшуюся похлебку и съела ее прямо у печи.

Горячая еда немного прояснила голову.

После этого достала небольшую тетрадь, в которой записывала расход топлива и часы проверок.

Полный огонь работал с шести вечера. При штатном расходе четыре десятых литра в час за двенадцатичасовую ночь уходило четыре целых и восемь десятых литра.

Если не считать дополнительной потери при неисправности, к рассвету должно остаться семнадцать целых и четыре десятых.

Я обвела число карандашом.

Не потому, что боялась забыть арифметику.

Просто мне хотелось иметь перед глазами точный расчет.

Поставка должна была прийти раньше. Еще несколько дней назад это не казалось проблемой. Теперь я смотрела на запас иначе.

Погода могла ухудшиться.

А в Каменном кармане стоял корабль.

Сколько людей находилось на борту, я не знала. Возможно, несколько десятков, возможно, больше.

Я вспомнила красные сигналы бедствия.

Если бы погасила маяк до шести, они увидели бы черный берег без надежного ориентира.

Их судно могло пройти мимо стоянки.

Или оказаться на рифах.

Я перевела взгляд на распоряжение, лежавшее на полке.

Даже сейчас, когда решение было принято, мне хотелось получить официальное подтверждение, что я поступила правильно.

Потом стало стыдно.

Разве недостаточно того, что корабль сумел укрыться?

Но я знала, как устроена служба.

Капитан может благодарить за спасение, а чиновник через месяц спросит, на каком основании вы нарушили приказ.

Ответить придется мне.

Не Браму.

Не человеку, поставившему подпись в конторе.

Мне.

И все же, если бы пришлось выбирать заново, я снова зажгла бы свет.

В два часа я проверила комнату сменщика.

Рейнар не спал.

Он лежал на спине и смотрел в потолок.

— Болит? — спросила я.

— Терпимо.

— Это не ответ.

— Болит.

— Сильнее, чем раньше?

— Нет.

Я подошла и поправила подушку под его левой рукой.

Он напрягся, когда я осторожно приподняла край одеяла, но не отстранился.

Повязка держалась.

— Плечо нельзя нагружать, — сказала я. — Даже если вам кажется, что стало легче.

— Мне не кажется.

— Уже хорошо.

Я проверила температуру кожи, дыхание и цвет лица.

Лихорадки не было.

Рейнар наблюдал за моими действиями с таким сосредоточенным видом, будто запоминал последовательность.

— Вы делали это раньше? — спросил он.

— Перевязки?

— Да.

— С рыбаками, матросами, однажды с мальчишкой, который решил спуститься по скале за птичьими яйцами.

— Что с ним было?

— Сломал руку.

— А яйца?

— Не достал.

Рейнар закрыл глаза.

Мне показалось, что он смеется, но услышать удалось только короткий выдох.

— Поучительная история.

— Его мать сказала то же самое. Только другими словами.

Я вымыла руки и начала убирать использованные материалы.

Он смотрел, как я складываю чистые бинты обратно в ящик.

— Вы все делаете сами?

— Не все.

— Но сейчас?

— Сейчас да.

— Долго так продолжаться не может.

Я подняла глаза.

— Вы опять хотите сказать, что мне нужно поспать?

— Я хотел спросить, чем могу помочь.

— Пока ничем.

Он не выглядел довольным.

— Даже если я буду сидеть?

— Именно сидеть вам пока особенно не советую.

Он посмотрел на потолок.

— Отлично.

— А вы ожидали, что после падения с неба сразу отправитесь на прогулку?

— Я ожидал несколько иных обстоятельств.

Слова прозвучали неожиданно серьезно.

Я перестала складывать бинты.

— Каких?

Рейнар не ответил сразу.

Потом сказал:

— Не оказаться в чужом доме на берегу, не помня, как добрался до острова.

— Понятно.

— И не причинять хозяйке лишних хлопот.

Я посмотрела на него.

Такой ответ явно дался ему труднее, чем предыдущие.

— Раненые люди иногда причиняют хлопоты, — сказала я. — На то они и раненые.

— Я знаю.

— Тогда не извиняйтесь за то, что вам нужна помощь.

Он повернул голову.

Наши взгляды встретились.

Несколько секунд мы молчали.

Лампа возле кровати освещала его лицо сбоку. При таком свете особенно заметными стали усталость и тени под глазами.

Я впервые отчетливо увидела, что ему не просто больно.

Он был измучен.

Не одной только раной.

Это можно было понять по тому, как он реагировал на каждый звук снаружи, как пытался сохранить контроль над собственным телом и даже во время разговора не позволял себе полностью расслабиться.

Но мне было неизвестно, что именно с ним произошло до падения.

Я не собиралась превращать наблюдение в готовую историю.

— Попробуйте поспать, — сказала я.

— А вы?

— Мне нужно проверить огонь.

— Конечно.

Он отпустил край одеяла, который до этого незаметно сжимал правой рукой.

Я погасила лишнюю лампу и вышла.

После трех часов ветер начал менять направление.

Я заметила это по звуку: с северной стороны удары стали реже, зато в западных окнах сильнее дрожали стекла.

Поднявшись наверх, я проверила механический привод.

Все было исправно.

На море видимость оставалась плохой.

Но временами сквозь туман проступал слабый свет с корабля.

Я направила трубу на Каменный карман и дождалась следующего просвета.

Высокая носовая мачта.

Надстройка.

Один неподвижный огонь.

Корабль по-прежнему находился на защищенной стоянке.

Я положила рядом с журналом чистый лист и отметила его примерное положение.

В последующие минуты свет дважды скрывался за дождем, но снова появлялся почти в той же точке.

Это немного успокаивало.

Если бы судно сорвало с якоря, оно начало бы смещаться относительно скалы.

Пока этого не происходило.

В четыре часа я снова проверила Рейнара.

На этот раз он спал.

Я не стала его будить.

Поправила одеяло и убедилась, что вода стоит рядом.

Затем прошла в собственную спальню.

Впервые за ночь я посмотрела на свою кровать.

На белой подушке лежала старая книга, которую я собиралась дочитать еще вчера. На спинке стула висело чистое платье. В шкафу стояли две коробки с письмами и фотографиями.

Все выглядело так привычно, что я внезапно почувствовала страшную усталость.

Не только телом.

Хотелось закрыть дверь, спрятаться под одеяло и хотя бы на один час забыть о приказе, шторме, раненом драконе и чужом корабле.

Я сняла сапоги.

Потом вспомнила о служебном журнале.

Вернулась к двери, проверила, действительно ли могу закрыть свою комнату изнутри, и положила ключ на тумбочку.

В последнее время я редко запирала спальню.

На острове почти не было посторонних. Сменщик занимал отдельную комнату, а рабочие из Ровена приходили только днем.

Теперь под моей крышей находился незнакомый мужчина.

И я пока не знала, насколько могу ему доверять.

Это не отменяло необходимости помочь.

Но и не обязывало забывать об осторожности.

Я поставила маленькие часы рядом с кроватью, завела будильник и легла поверх покрывала.

Сон пришел почти сразу.

Проснулась я от звука металла.

На мгновение мне показалось, что остановился привод.

Я вскочила.

Потом поняла, что в коридоре просто ударила открытая дверца шкафа.

Посмотрела на часы.

Без десяти пять.

Я проспала меньше часа.

Ветер все еще бил по стенам, но теперь между порывами наступали долгие затишья. В доме слышалось потрескивание печи.

Я надела сапоги и вышла в коридор.

Дверь комнаты сменщика оставалась закрытой.

Изнутри не доносилось ни звука.

Я осторожно приоткрыла ее.

Рейнар лежал на спине.

Глаза были закрыты.

Но стоило мне сделать шаг, как он произнес:

— Вы проснулись?

Я остановилась.

— Как вы узнали?

— Половица у двери скрипит иначе, чем остальные.

Я посмотрела под ноги.

Доска действительно тихо скрипнула.

— Наблюдательный.

— Военная привычка.

— У меня тоже.

Он открыл глаза.

В тусклом свете рассвета его лицо выглядело заметно лучше. На щеках появился цвет, хотя губы еще оставались бледными.

— Как плечо?

— Не нравится мне.

— У нас с вами одинаковое мнение.

Рейнар осторожно двинул правой рукой.

— Я бы хотел посмотреть рану.

— На спине?

— Да.

— Боюсь, пока это сложно. Вам нельзя резко садиться или выворачивать левое плечо.

Он нахмурился.

— Сколько времени я здесь?

— С вечера.

— И ни разу не встал.

— Какая ужасная несправедливость.

Он посмотрел на меня.

Я не сдержала улыбку.

— Простите. Но если сейчас попробуете встать, я буду вынуждена снова вас укладывать. А сил у меня уже немного.

Рейнар задержал взгляд на моем лице.

— Вы действительно очень устали.

— Не настолько, чтобы не заметить, если вы начнете ходить по дому.

— Я не собирался.

— Хорошо.

В этот момент он чуть передвинул здоровую руку к краю кровати.

Я приподняла брови.

Рейнар посмотрел на собственную ладонь и медленно вернул ее на место.

— Теперь точно не собираюсь.

Я засмеялась.

Тихо, чтобы не пришлось объяснять самой себе, почему разговор с почти незнакомым человеком оказался настолько забавным.

Он тоже улыбнулся.

Улыбка заметно изменила его лицо.

Суровость куда-то исчезла, и я впервые увидела не капитана с фотографии, не обвиняемого из служебного бюллетеня, а просто мужчину.

Красивого мужчину.

Это обстоятельство совсем не помогало мне сохранять привычную рассудительность.

Я поспешила перевести взгляд на повязку.

— Мне нужно проверить лампу. Потом принесут завтрак.

— Принесут?

— Я принесу. Других служащих у нас, как вы могли заметить, пока нет.

— Тогда не стоит делать из завтрака отдельное мероприятие.

— А что вы предлагаете?

— Мне хватит хлеба.

— После вчерашнего вам нужен нормальный завтрак.

Он посмотрел на меня так, будто хотел сказать, что взрослому человеку необязательно объяснять очевидные вещи.

Потом, видимо, передумал.

— Хорошо.

Я вышла с неожиданно приятным чувством.

В доме все еще было холодно.

За стеной продолжался шторм.

На море находился корабль, а рядом со мной — раненый дракон.

Ничего из этого не стало проще.

И все-таки я впервые за ночь не чувствовала себя совершенно одной.

Около шести я поднялась в фонарную камеру.

Восточный край неба начал светлеть.

Дождь постепенно терял силу, хотя ветер оставался резким. Внизу появились очертания северной бухты и каменной площадки, где ночью я вытаскивала Рейнара из воды.

Я задержала взгляд на спасательной лебедке.

С высоты она казалась игрушечной.

И все же именно это старое оборудование помогло мне поднять человека, который наверняка весил почти вдвое больше меня.

На камнях еще лежали следы от полозьев.

Позже нужно будет осмотреть канаты, высушить салазки и привести все в порядок.

Но сначала — маяк.

Я дождалась достаточного рассветного освещения, зафиксировала положение механизма и погасила лампу в обычном порядке.

Время записала в журнал.

Полный ночной цикл завершился.

Двенадцать часов.

Я измерила остаток топлива и сверила его с расчетом.

Семнадцать целых и четыре десятых литра.

Ровно столько, сколько должно было остаться.

Проверила резервуар еще раз, чтобы исключить ошибку.

Показания совпали.

Я сделала запись.

Под ней поставила подпись.

На следующей странице открыла таблицу расхода на ближайшие дни.

При полном режиме запас мог закончиться быстрее, чем придет снабжение.

Но судно уже стояло в Каменном кармане. Если погода не ухудшится, возможно, капитан сможет выйти при достаточной воде.

Я надеялась на это.

Оставалось выяснить, что у них произошло ночью.

Сверху открывался хороший вид на защищенную стоянку.

Теперь, при дневном свете, я наконец смогла рассмотреть корабль.

Темный корпус с широкой белой полосой у верхней палубы. Две мачты. Дымовая труба. На корме название, которое с такого расстояния прочитать пока не удавалось.

Судно стояло на якорях.

Я видела натянутую якорную цепь и нескольких людей на палубе.

Один находился возле носовой надстройки, другой что-то переносил в сторону машинного отделения.

Работа продолжалась.

Это был хороший знак.

Я направила трубу на нижнюю часть корпуса.

Видимых пробоин не обнаружила, хотя это еще ничего не доказывало. Повреждение могло находиться ниже ватерлинии.

Я положила трубу.

Судно находилось почти в двух километрах от башни. Пока между нами не установится устойчивая сигнальная связь, я не смогу узнать, нужна ли им дополнительная помощь.

Но они пережили ночь.

И я невольно улыбнулась.

Не ради благодарностей и не ради того, чтобы доказать правоту перед начальством.

Просто потому, что где-то там люди тоже встречали рассвет.

У кого-то была семья.

Кто-то, возможно, еще вчера ругался из-за холодного ужина или жаловался, что не успевает к назначенной встрече.

Теперь все это отступило перед гораздо более простой задачей — остаться живыми.

Я задержалась у окна.

Солнечный свет медленно проступал сквозь тучи, делая море серым, а не черным.

На секунду мне показалось, что шторм уже отходит.

Потом новая волна ударила о северную скалу, и белая пена поднялась почти до спасательного уступа.

Нет.

До спокойной погоды было далеко.

Я спустилась в дом.

На кухне уже успела остыть вода, которую я оставила у печи. Пришлось разжечь огонь сильнее.

Пока грелась кастрюля, я занялась простым завтраком: разогрела кашу, нарезала хлеб, положила немного масла в миску.

От запаха еды проснулся собственный голод.

Я съела несколько ложек стоя, затем наполнила вторую тарелку.

Рейнар сидеть не мог, поэтому для начала я принесла ему немного теплой воды и помогла устроиться удобнее, приподняв голову.

Он выглядел лучше, чем ночью.

Хотя, заметив меня, снова сделал вид, что вообще ни в чем не нуждается.

— Доброе утро, — сказала я.

— Уже утро?

— На удивление.

— Как море?

— Все еще мокрое.

Он посмотрел на меня.

Я пожала плечами.

— Судно стоит на якоре. Люди на палубе работают. Наш маяк исправен.

Рейнар медленно кивнул.

— Значит, добрались.

Я насторожилась.

— Кто?

Он посмотрел на меня.

— Корабль.

— Вы знали о нем?

— Я видел судно на подходе раньше.

— Какое именно?

Он слегка нахмурился.

— Название не помню.

Я подождала.

Рейнар отвел взгляд к окну.

— Эльна, сейчас я не могу рассказать вам все, что произошло до моего падения. Не потому, что не доверяю. Я и сам помню не все по порядку.

Я немного помолчала.

— Хорошо.

Он повернулся ко мне.

— Вы не станете спрашивать?

— Стану. Но не сейчас.

В его взгляде появилось облегчение, которое он, кажется, попытался скрыть.

Я подала ему воду.

— Сначала нужно убедиться, что вы окончательно пришли в себя. А потом решим, с чего начать.

Он выпил несколько глотков.

— Разумно.

— Иногда со мной случается.

Я поставила кружку и придвинула стул.

— Есть сможете?

— Да.

Я помогла ему устроиться так, чтобы он мог пользоваться здоровой рукой, и поставила рядом устойчивый небольшой столик.

Первую ложку Рейнар съел осторожно.

Вторую — уже охотнее.

Похоже, голод наконец оказался сильнее желания выглядеть неуязвимым.

Я села напротив со своей тарелкой.

Несколько минут мы ели молча.

За окном по-прежнему стучал дождь. Из кухни доносилось потрескивание печи. В коридоре тикали часы.

Мне вдруг пришло в голову, что это первый совместный завтрак в моем доме за последние несколько месяцев.

Со сменщиком мы обычно ели по очереди. Он вставал раньше меня, а после ночной вахты я часто спала до полудня.

С гостями на острове было еще хуже.

Они приезжали ненадолго, пытались задавать десятки одинаковых вопросов и непременно просили показать самый верх башни.

Рейнар пока ничего не просил.

Даже на собственную повязку старался не жаловаться.

— Как ваше плечо? — спросила я.

— Болит.

Я подняла брови.

— Вы быстро учитесь.

— У меня хороший наставник.

Он сказал это совершенно серьезно.

Я невольно улыбнулась.

Рейнар посмотрел на мою тарелку.

— Вы почти не едите.

— Я уже перекусила.

— Чем?

— Кашей.

— Сколько?

— Вам действительно интересно?

— Нет. Но вы выглядите так, будто собираетесь снова работать до вечера без отдыха.

Я опустила взгляд.

В каком-то смысле он был прав.

Я собиралась закончить завтрак, проверить склад, разобрать распоряжение и связаться с судном при первой возможности. Потом нужно было осмотреть спасательное оборудование и просушить мокрые канаты.

Все это следовало сделать до следующей ночи.

— У меня много работы, — ответила я.

— Я заметил.

— И не все можно отложить.

— Это тоже.

Он помолчал.

— Но кое-что можно разделить.

Я посмотрела на его перевязанное плечо.

Рейнар проследил за моим взглядом.

— Я не предлагал таскать бочки.

— Хорошо. Потому что именно это я собиралась вам запретить следующим пунктом.

Он опустил глаза к тарелке.

На этот раз я совершенно точно заметила улыбку.

Закончив завтрак, я убрала посуду и приготовила чистую повязку.

Пришлось попросить Рейнара немного повернуться на здоровый бок.

Он сделал это самостоятельно, но медленно, придерживая левую руку. Когда движение стало болезненным, остановился и дождался, пока я помогу подложить свернутое одеяло.

Я осторожно сняла старую повязку.

Кровотечение почти прекратилось.

Края раны выглядели лучше, чем ночью. Однако вокруг сохранялся большой ушиб, а плечо двигалось ограниченно.

Я не стала проверять его на прочность.

— Пока неплохо, — сказала я.

— Это медицинский вывод?

— Это вывод женщины, которая вчера ожидала увидеть вас утром в гораздо худшем состоянии.

— Обнадеживает.

Я наложила новую повязку.

Рейнар молчал.

Когда я закончила, он осторожно повернулся обратно.

— Вы не сказали, как добрались до берега.

— Я?

— Да.

— Пешком.

Он посмотрел на меня с недоумением.

Я сжалилась.

— Я увидела ваше падение, спустилась к северной площадке и нашла вас на нижнем уступе. Потом подняла лебедкой.

Он некоторое время молчал.

— Одна?

— Других желающих не было.

— Вы подняли меня на спасательной лебедке?

— Не без усилий.

Рейнар посмотрел на собственное тело, потом на мои руки.

— Сколько времени это заняло?

— Больше часа от падения до дома. Точно не засекала. Мне было немного не до часов.

Он опустил глаза.

— Вы рисковали.

Я пожала плечами.

— Использовала штатное оборудование. Без страховки в воду не прыгала.

— Все равно.

— Не начинайте.

Рейнар поднял взгляд.

— Что?

— Не нужно объяснять мне, как опасно спасать людей во время шторма. Я работаю здесь достаточно давно.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Я не собирался.

— Тогда что?

Некоторое время он молчал.

Потом сказал:

— Я пытался понять, как вы сумели вытащить меня. И поблагодарить.

Мне стало неловко.

Во второй раз за утро.

— Я просто сделала то, что могла.

— Именно.

Он произнес это слово спокойно.

Без торжественности.

Мне почему-то захотелось выйти из комнаты.

Я убрала перевязочные материалы и закрыла аптечный ящик.

— Вам нужно отдохнуть.

— А вам?

Я остановилась.

— А мне нужно проверить склад.

— Эльна.

Я повернулась.

Рейнар лежал на подушках, уставший, с перевязанной спиной. Но смотрел прямо и серьезно.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказал он. — И пока не могу предложить помощь, в которой вы действительно нуждаетесь. Но я не собираюсь мешать вашей работе.

Я молчала.

Он продолжил:

— Вы спасли мне жизнь. Теперь я обязан хотя бы не создавать новых опасностей.

Я неожиданно почувствовала облегчение.

Наверное, потому, что очень устала от людей, которые сначала требовали невозможного, а потом обижались на отказ.

— Тогда договорились, — ответила я.

Он кивнул.

— Договорились.

Я взяла аптечный ящик и вышла.

На кухне остановилась у окна.

Дождь почти прекратился.

Ветер продолжал гнуть кусты у ограды, но между тучами появились бледные полосы света.

Можно было открывать нижнюю кладовую.

Я взяла ведомости и спустилась по лестнице.

На каменных стенах выступила влага. Воздух пах сырым деревом и маслом.

Проверила дверь, затем пересчитала емкости.

Все стояли на своих местах.

Я еще раз измерила остаток, сверила данные с ночной записью и поставила отметку в рабочей тетради.

Семнадцать целых и четыре десятых литра.

Количество сходилось.

Но запас был слишком мал для продолжительного шторма.

Я достала журнал поставок, раскрыла его на последнем заполненном развороте и посмотрела дату.

Предыдущая доставка состоялась почти две недели назад.

Все верно.

Следующая должна была прийти накануне ухудшения погоды.

Я вспомнила слова Брама.

«Должны были привезти отдельно».

Странно.

Обычно компания заранее сообщала, если снабженческое судно задерживалось. Это позволяло пересчитать расход и запросить резерв из другого порта.

На этот раз никто не предупредил.

Я поднялась наверх и стала разбирать бумаги, доставленные вчера вместе с распоряжением.

Они лежали в конторском лотке, куда я складывала входящую почту.

Один лист содержал список работ по южной пристани.

Второй — обычную ведомость по инструментам.

Третий оказался сводкой снабжения.

Я сначала просмотрела ее бегло.

Потом вернулась к первой строке.

«Черный маяк. Плановая поставка горючего и расходных материалов».

Дата стояла вчерашняя.

Я нахмурилась.

Ниже был указан объем масла, значительно превышавший оставшийся запас. Затем перечислялись запасные фитили, крепления и детали.

В графе о выполнении стояла отметка.

«Доставлено».

Я провела пальцем по строке.

Это было невозможно.

Никакой поставки вчера не было.

Я находилась на острове с самого утра. Принимала лодку, разговаривала с Брамом, проверяла оборудование.

Ни один матрос не выгружал емкости с горючим.

Ни один ящик не прошел через кладовую.

Я перевернула лист.

На обороте находился отпечатанный бланк приемки.

С датой.

С перечнем доставленного имущества.

С печатью компании.

И с заполненной графой, на которую я сначала даже не посмотрела.

«Принял».

Рядом стояла подпись.

Эльна Сорен.

Я прочитала ее еще раз.

Потом медленно опустилась на стул.

Передо мной лежал документ, утверждавший, что вчера я лично получила масло, которого на острове не было.

И подписала приемку, которой никогда не совершала.

Глава 3. Запас до рассвета

Я смотрела на свою подпись так долго, что начала замечать в ней ошибки.

Последняя буква уходила вниз слишком резко. Петля в заглавной «С» была непривычно широкой. Человек, который расписался за меня, явно видел образец, но воспроизвел его не совсем точно.

Впрочем, дело было даже не в почерке.

Я не принимала вчера никакого масла.

Ни одной емкости.

Ни одного ящика.

А по документам все уже находилось на станции.

Я перевернула ведомость, снова прочитала дату и проверила печать. Потом достала журнал приемки имущества и открыла последнюю заполненную страницу.

Никакой записи о вчерашней поставке там не было.

Я провела пальцем по пустой строке, предназначенной для следующего поступления.

Обычно при заполнении журнала присутствовали оба участника приемки. Смотритель проверял количество, представитель поставщика расписывался в сдаче, после чего обе стороны получали свои экземпляры ведомости.

Если груз привозили во время моего отдыха, сменщик мог принять его самостоятельно, но обязан был сделать запись.

Сменщика на острове не было.

И мне никто ничего не привозил.

Я придвинула к себе лист поближе.

В графе получателя стояло:

«Начальница станции Э. Сорен».

Ниже — дата, моя якобы собственноручная подпись и отметка о приемке всего перечисленного имущества.

Я невольно посмотрела на дверь.

Брам Денн находился где-то на южной стороне острова.

Вчера он собственными руками принес мне этот пакет.

Неужели он вообще не посмотрел, что находится внутри?

Или посмотрел?

Я отложила ведомость.

Торопиться с выводами не хотелось. За годы службы мне приходилось сталкиваться с разными конторскими ошибками. Однажды снабженцы перепутали адреса двух маяков и отправили наше масло на южный берег, а чужие фитили — нам. В другой раз бухгалтер заранее отметил доставку выполненной, потому что судно уже вышло из порта. Потом шторм вернул его обратно.

Однако в тех случаях никто не подделывал мою подпись.

Я достала из ящика два старых акта приемки и положила рядом с новым листом.

Сравнение получилось неприятным.

Человек старательно повторил мой привычный наклон букв и даже длинную черту под фамилией.

Только я уже больше года не ставила эту черту.

После того как в одной из контор мне сообщили, что из-за росчерка подпись не помещается в отведенную графу, я изменила привычку. Теперь расписывалась короче.

А здесь кто-то воспользовался старым образцом.

Я нашла приемку полуторагодичной давности.

Вот она.

Почти одинаковое начертание.

Я села ровнее.

Значит, у составителя документа был доступ к прежним бумагам станции. Для подрядчика, много лет поставлявшего масло, это не составляло труда.

Но зачем кому-то понадобилось изображать уже выполненную доставку?

Первое объяснение лежало на поверхности.

Чтобы получить деньги за груз, которого не было.

Компания выставит счет казначейству, приложит подписанный акт и отчитается о выполненном заказе.

В обычных обстоятельствах подобное закончилось бы проверкой и взысканием.

Но накануне я получила еще и приказ погасить маяк.

Я медленно перевела взгляд с одного документа на другой.

Если бы я исполнила распоряжение, перестала вести огонь и уехала с острова, никто не стал бы проверять уровень масла до следующего визита.

А если бы осталась и запас внезапно закончился...

В бумагах значилось, что я уже получила все необходимое.

Я закрыла глаза.

Нет.

Пока это была только неприятная возможность, а не доказательство чьего-то умысла.

Но теперь оставлять ведомость в общем лотке было нельзя.

Я достала сухую папку, вложила туда спорный акт и копию распоряжения о прекращении работы огня. На отдельном листе записала, когда получила документы, кто их принес и какие расхождения обнаружила.

Затем положила все в запираемый ящик служебного шкафа.

Ключ оставила при себе.

Мое внимание привлекло движение за окном.

По северной тропе с трудом передвигалась мокрая чайка. Она остановилась у каменной ограды, встряхнула крылья и скрылась за выступом стены.

Ветер стихал.

Не совсем, но достаточно, чтобы можно было хотя бы на время открыть наружные ставни.

Я посмотрела на часы.

Половина девятого утра.

На корабле, стоявшем в Каменном кармане, уже должны были заниматься повреждениями после ночного перехода.

Нужно было выяснить, что им требуется.

А еще следовало окончательно проверить запас топлива.

Я взяла рабочую тетрадь и спустилась в кладовую.

Внизу пахло железом и маслом. На стенах собиралась влага, хотя бочки и закрытые емкости стояли на деревянных подставках, поднятых над каменным полом.

Я зажгла небольшую лампу и начала пересчет.

Рабочий резервуар был заправлен по норме. Запасные емкости находились на своих местах. Пустые стояли отдельно, чтобы никто не принял их за полные.

Я проверила каждую.

Потом сверила мерные показания с утренней записью.

Семнадцать целых и четыре десятых литра пригодного масла.

Ни больше, ни меньше.

Именно столько я ожидала увидеть после первой ночи.

При следующей поставке запас должен был увеличиться на указанный в ведомости объем. Но никакого дополнительного масла не было.

Я проверила полки с фитилями, запасными креплениями и инструментами.

Там тоже не появилось ничего нового.

Ведомость утверждала, что груз доставлен полностью.

Моя кладовая утверждала обратное.

Я сделала отдельную инвентаризационную запись, указала фактический остаток и расписалась. Затем проверила пломбы на неиспользованных емкостях.

Мне хотелось, чтобы при любом последующем разбирательстве было понятно, сколько топлива находилось на станции именно этим утром.

Я поднялась из кладовой с неприятным чувством.

В доме было тихо.

Рейнар, вероятно, спал.

Я решила не тревожить его до очередной проверки раны и вернулась на кухню.

Но едва успела поставить чайник, из комнаты сменного смотрителя донесся негромкий звон.

Один раз.

Пауза.

Еще два.

Я поспешила туда.

Рейнар лежал на спине, придерживая правой рукой колокольчик.

— Что случилось?

— Простите, — сказал он. — Я пытался дотянуться до воды, но столик слишком далеко.

Я посмотрела на кружку.

Действительно. Уходя, я отодвинула ее, когда убирала посуду после завтрака.

— Это мне нужно извиняться.

— Вы уже сделали достаточно.

— Мы это обсуждали.

Я придвинула столик и помогла ему попить.

Рейнар сделал несколько глотков и откинулся на подушку.

— Как море? — спросил он.

— Ветер немного ослаб. Корабль стоит на якоре.

— Удалось связаться?

— Пока нет. Сейчас попробую.

Он повернул голову к окну.

— Какая видимость?

— Переменная. Иногда дождь закрывает все, иногда можно разглядеть палубу.

— Днем они смогут передать сообщение флагами.

— Я знаю.

Рейнар посмотрел на меня.

— Разумеется.

В его голосе не было насмешки, но я все равно почувствовала себя немного глупо.

— Простите, — сказала я. — Я сегодня не особенно хорошо переношу очевидные советы.

— Что-то произошло?

Я помедлила.

Он был незнакомцем, чье имя фигурировало в расследовании серьезной катастрофы. Вчера вечером я не знала даже, можно ли позволить ему оставаться в доме без присмотра.

Однако странное распоряжение о прекращении работы маяка его касалось напрямую.

Он появился именно после того, как я отказалась выключить огонь.

— У меня пропала поставка масла, — сказала я.

— Пропала?

— По документам она уже доставлена. В действительности ничего не привезли.

Рейнар нахмурился.

— Кто подписал приемку?

— Якобы я.

— Якобы?

— Подпись поддельная.

Он некоторое время смотрел на меня.

— Вы уверены?

— Я знаю, когда получаю имущество на собственной станции.

— Я спрашивал о подписи.

— Весьма уверена. Ее скопировали со старого образца.

Рейнар перевел взгляд на дверь.

— Где документы?

— В служебном шкафу.

— Их видел кто-нибудь еще?

— Брам принес пакет. Не знаю, читал ли он содержимое.

— Брам?

— Техник подрядчика. Живет у южной пристани.

Рейнар медленно выдохнул.

— Название компании?

Я назвала фирму, которая снабжала Черный маяк последние несколько лет.

Он сразу перестал смотреть на меня.

Его взгляд остановился на стене напротив кровати.

— Вы знаете эту компанию? — спросила я.

— Да.

— Хорошо знаете?

— Достаточно.

Я подождала продолжения.

Рейнар молчал.

— Капитан, — сказала я, — если вы сейчас собираетесь сообщить что-нибудь важное, лучше сделать это до того, как я отправлю очередной запрос начальству.

Он повернул ко мне голову.

— Я не собираюсь скрывать сведения, которые могут поставить вас под угрозу.

— Но?

— Но сначала мне нужно посмотреть документы. И желательно вспомнить, что именно произошло перед моим падением.

Я нахмурилась.

— Вы не помните?

— Помню склад. Нескольких людей. Потом полет. Дальше все обрывается.

Он произнес это спокойно, но пальцы здоровой руки сжали край простыни.

Я заметила движение.

— Голова у вас болит?

— Немного.

— Тошноты нет?

— Нет.

— Двоения в глазах?

— Тоже нет.

— Хорошо. Но это не значит, что вам можно сразу садиться за расследование. После такого падения вам нужен врач.

— Согласен.

Я почти не поверила собственным ушам.

— Вот так просто?

— Вы ожидали спора?

— Если судить по некоторым моим знакомым офицерам, как минимум трех приказов и одного напоминания о звании.

Рейнар задержал взгляд на моем лице.

Потом тихо сказал:

— Меня отстранили, госпожа Сорен. Напоминать о звании было бы особенно неуместно.

Я поняла, что шутка оказалась неудачной.

— Простите.

Он покачал головой.

— Не за что.

Но выражение его лица изменилось.

На несколько секунд передо мной снова оказался мужчина с портрета в бюллетене. Сдержанный, уставший и явно не желавший говорить о своем прошлом.

Я поправила одеяло.

— Отдыхайте. Когда придет время, посмотрим бумаги вместе.

— Эльна.

Я обернулась.

— Да?

— Не показывайте оригиналы никому из работников подрядчика, пока не сделаете копии.

Я внимательно посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что вам придется доказывать, что документы находились здесь до начала разбирательства. И что их содержание не меняли.

— Вы говорите так, будто уже сталкивались с подобным.

— Сталкивался.

Он закрыл глаза.

Я не стала продолжать расспросы.

Выйдя из комнаты, я обнаружила, что мое сердце бьется быстрее обычного.

Мне не нравились намеки.

Особенно когда их делал человек, которому я пока не решалась доверять.

Но совет сохранить документы был разумным.

Я собиралась поступить именно так.

В половине десятого ветер на короткое время разогнал туман.

Я поднялась в сигнальную комнату, расположенную этажом ниже фонарной, и открыла наружные защитные створки.

Отсюда просматривалась большая часть Каменного кармана.

Судно стояло на якорях, заметно разворачиваясь носом под порывами ветра. На палубе двигались люди. У кормовой надстройки я увидела женщину в темном плаще, которая разговаривала с матросом.

Разглядеть лицо не удалось.

Я взяла трубу.

На корме теперь можно было прочитать название.

«Альма».

Я записала его.

Затем подняла установленный на станции дневной сигнальный щит, обозначавший готовность к обмену сообщениями.

Пришлось ждать.

На корабле продолжалась работа.

Один матрос прошел к носу с мотком каната. Другой исчез возле машинного отделения. Женщина у кормы несколько раз поднимала голову к маяку, но не реагировала.

Наконец возле сигнальной мачты появился человек с двумя флажками.

Он посмотрел в нашу сторону через трубу.

Потом поднял флажки в положение подтверждения.

Я ответила.

Связь установилась.

Первым делом спросила, нужна ли немедленная эвакуация.

Ответ пришел через несколько минут.

«Нет. Судно на якоре. Требуется ремонт».

Я записала сообщение.

Затем последовало второе.

«На борту 84 человека».

Я невольно повторила число вслух.

Восемьдесят четыре.

Гораздо больше, чем мне хотелось бы видеть на поврежденном корабле в штормовом море.

Я попросила уточнить характер повреждений.

Сигнальщик начал передавать ответ, но почти сразу судно скрылось за полосой дождя.

Пришлось ждать.

Я опустила руки и посмотрела на часы.

За последние сутки у меня появилась неприятная привычка постоянно считать минуты.

Сколько осталось до очередной проверки.

Сколько часов продержится полный огонь.

Сколько времени потребуется лодке, чтобы добраться до материка.

Теперь к этому добавилось еще восемьдесят четыре человека.

Дождь прекратился так же внезапно, как начался.

Я снова увидела корабль.

Сигнальщик уже стоял на месте.

Ответ пришлось повторить с начала.

«Поврежден руль. Течь удерживается помпами. Стоянка надежна».

Я записала слова в журнал.

Потом спросила, требуется ли буксир.

Ответ был коротким:

«Для выхода потребуется помощь. Ремонт ведем».

Следом передали имя капитана.

Дана Керн.

Я знала это имя.

Не лично, но несколько раз встречала его в портовых ведомостях. Дана Керн считалась опытным капитаном, работавшим на северном направлении уже много лет.

Это немного успокаивало.

Женщина, сумевшая завести поврежденный корабль в Каменный карман прошлой ночью, явно знала свое дело.

Я передала сведения о том, что маяк исправен, а снабжение задерживается. Сообщила о необходимости экономного режима света во время стоянки и запросила подтверждение, будет ли этого достаточно для наблюдения за ориентиром.

Ответ пришел не сразу.

Сигнальщик исчез.

Я видела, как он подошел к женщине в темном плаще и что-то показал ей на листе.

Они разговаривали несколько минут.

Потом женщина взяла трубу, направила ее на башню и кивнула.

Сигнальщик вернулся.

«При стоянке ближний свет достаточен. Для выхода требуется полный».

Я кивнула, хотя на корабле этого не могли увидеть.

Разумно.

Пока судно стояло в защищенной бухте, капитан мог ориентироваться по известному положению башни и наблюдать уменьшенный свет. Но при ночной проводке через рифы дальность и четкость проблесков должны были соответствовать обычному режиму.

Я подтвердила прием.

Следующий запрос касался времени возможного выхода.

Ответ оказался ожидаемым.

«Ожидаем ремонт и достаточную воду. Погода неизвестна».

Я записала сообщение.

Потом передала расчетное время следующего высокого прилива и предложила сверить таблицы, когда восстановится устойчивая видимость.

В этот момент ветер снова усилился.

Полоса дождя закрыла корабль.

Обмен пришлось прервать.

Я опустила щит и долго стояла у окна.

Восемьдесят четыре человека.

Поврежденный руль.

Течь, которую пока удавалось удерживать.

И ограниченный запас масла на станции.

За один день положение стало гораздо сложнее, чем казалось вчера.

Но у нас было главное.

Корабль находился на якорях.

Люди были живы.

А маяк продолжал работать.

Я закрыла защитные створки и спустилась за картами.

В доме Рейнар не спал.

Я услышала его голос, когда проходила мимо комнаты.

— Эльна?

Я остановилась.

— Да?

— Вы связались с кораблем?

— Да.

— Что сообщили?

Я вошла.

Он лежал на спине, подложив под правую руку подушку. Лицо оставалось бледным, но взгляд был ясным.

— Судно называется «Альма», — сказала я. — На борту восемьдесят четыре человека. Руль поврежден, есть течь. Помпы справляются, ремонт идет. Якорная стоянка пока надежна.

Рейнар слушал очень внимательно.

— Капитан?

— Дана Керн.

Он закрыл глаза.

На этот раз я ясно увидела облегчение.

— Вы ее знаете?

— По службе. Несколько раз сопровождал ее суда.

— Хороший капитан?

— Да.

— Это уже приятная новость.

Он открыл глаза.

— Еще что-нибудь?

— Для выхода потребуется буксир и достаточная вода.

Рейнар посмотрел на окно.

— Значит, скоро они не уйдут.

— Не раньше, чем исправят рулевое устройство. И не раньше подходящего прилива.

— Когда следующий?

— Есть несколько высоких вод, но для такого судна после возвращения нормального уровня моря глубины может не хватить. Мне нужно проверить расчеты.

Он попытался приподняться.

Я сразу сделала шаг вперед.

— Только не говорите, что собираетесь смотреть карту стоя.

— Я хотел попросить ее принести.

Я остановилась.

— А.

— Если можно.

— Можно.

Он едва заметно улыбнулся.

Я вернулась на кухню, взяла карту западного подхода, приливные таблицы и журнал наблюдений за предыдущую неделю.

Когда я пришла обратно, Рейнар уже осторожно приподнялся на здоровом боку и пытался устроиться удобнее.

Я помогла подложить ему подушки.

— Если станет хуже, скажите сразу.

— Скажу.

— Не через десять минут.

— Сразу.

— И не после того, как потеряете сознание.

— Эльна.

— Что?

— Я понял.

Я посмотрела на него.

Он смотрел совершенно серьезно.

Но в уголках глаз появились короткие морщинки.

Кажется, он надо мной подшучивал.

Я разложила карту на широком столике и придвинула его к кровати.

— Вот Черный остров, — сказала я. — Мы находимся здесь.

Показала северную возвышенность.

— Каменный карман расположен за этой грядой. Вход узкий, но при штормовом нагоне вода поднимается над порогом. Поэтому «Альма» смогла войти прошлой ночью.

Рейнар провел взглядом по береговой линии.

— А выйти?

— В этом проблема.

Я раскрыла таблицы.

— Когда нагон спадет, глубина на пороге уменьшится. При обычной высокой воде ее будет недостаточно для судна с такой осадкой.

— Даже если они разгрузят часть запасов?

— Сомневаюсь. Пассажиров, воду и уголь можно переместить, но это не уменьшит осадку настолько, чтобы безопасно пройти. К тому же выгружать людей в открытом море сейчас опаснее, чем оставаться на судне.

Он кивнул.

— Значит, нужна более высокая вода.

— Да. По таблицам подходящее окно ожидается на следующей неделе. Но точное время придется уточнять по фактическому уровню и ветру.

Я показала ему расчеты.

Рейнар внимательно смотрел на строки, но не перебивал.

— Здесь, — продолжила я, — прилив будет выше предыдущих. Если к тому времени они восстановят руль и подойдет буксир, шанс появится.

— Когда именно?

— В предрассветные часы после седьмой ночи, если погода позволит.

Он медленно перевел взгляд на мое лицо.

— Семь ночей.

— По меньшей мере.

Слова прозвучали неожиданно тяжело.

Я и сама только сейчас осознала, сколько времени может потребоваться.

Семь ночей полного света означали бы расход, которого мой запас не выдержал бы.

Но если использовать уменьшенный режим во время стоянки...

Я потянулась за рабочей тетрадью.

— Нужно посчитать.

Рейнар не стал спрашивать, что именно.

Он уже смотрел на лист с остатком топлива.

Я раскрыла чистую страницу.

— У нас семнадцать целых и четыре десятых литра после первой ночи. Полная лампа расходует четыре десятых литра в час. Уменьшенная — две десятых.

— За двенадцать часов?

— Четыре целых и восемь десятых при полном свете. Две целых и четыре десятых при уменьшенном.

Я записала числа.

Если держать уменьшенный режим пять следующих ночей, понадобится двенадцать литров.

Останется пять целых и четыре десятых.

Полный огонь в седьмую ночь потребует четыре целых и восемь десятых.

После этого останется всего шесть десятых литра.

Я обвела результат.

Рейнар посмотрел на него.

— Мало.

— Очень мало.

— Но возможно.

— При условии, что не будет дополнительных потерь, поломок и необходимости держать полный свет раньше времени.

Я отложила карандаш.

— И при условии, что судно действительно сможет выйти в расчетное окно. Если нет, нам потребуется помощь.

Рейнар молчал.

Я посмотрела на него.

— Что думаете?

Он не сразу ответил.

— Экономный режим подтвержден капитаном?

— Да.

— Тогда другого разумного способа сохранить запас я пока не вижу.

Я почувствовала странное удовлетворение.

Не потому, что он согласился.

Просто впервые за последние сутки кто-то внимательно выслушал мои расчеты, не пытаясь объяснить, что мне следует делать.

— Значит, сегодня ночью переведу лампу на уменьшенную подачу, — сказала я. — Пока «Альма» стоит на якоре, этого должно хватить. Для опасного маневра верну полный свет.

— А если связь оборвется?

— Будем следить за положением судна. Если оно начнет двигаться к выходу или потребуется аварийная помощь, я не стану экономить масло ценой человеческих жизней.

Рейнар кивнул.

— Правильно.

— Вы всегда так немногословны?

Он чуть повернул голову.

— Когда мне нечего возразить.

— Удобная привычка.

— Не всем нравится.

Я невольно улыбнулась.

И вдруг заметила, что мы сидим совсем близко.

Столик стоял между кроватью и моим стулом. Чтобы показать ему последнюю строку таблицы, я наклонилась вперед.

Рейнар смотрел на карту, а я неожиданно обратила внимание на его руки.

Большие, с длинными пальцами, покрытые несколькими старыми шрамами. На правом запястье виднелась тонкая белая полоска, похожая на след от ожога.

Он не выглядел человеком, который всю жизнь провел за приказами и бумагами.

— Что? — спросил он.

Я поняла, что смотрю слишком долго.

— Ничего.

— Вы заметили что-то?

— Старый шрам.

Он опустил взгляд на запястье.

— Веревка.

— На корабле?

— Во время спасательной работы. Неудачно взялся за мокрый конец.

— Бывает.

— Вам знакомо?

Я показала ладонь.

На ней сохранился неровный рубец от троса.

Рейнар посмотрел внимательнее.

— Давно?

— Лет семь. Тогда я решила, что смогу удержать сорвавшийся канат руками.

— И?

— Канат решил иначе.

На этот раз он тихо рассмеялся.

Смех оборвался почти сразу. Мужчина поморщился и осторожно прижал здоровую руку к боку.

Я сразу выпрямилась.

— Больно?

— Немного.

— Тогда не смейтесь.

Рейнар посмотрел на меня.

— Постараюсь.

Я почувствовала, что краснею.

Сама же пошутила.

Сама же запретила смеяться.

Очень разумно.

Я убрала карту со столика.

— Вам пора отдохнуть.

— Я не возражаю.

— Хорошо.

Он посмотрел на тетрадь с расчетами.

— Эльна.

— Да?

— Вы уверены, что сможете работать с таким запасом?

Я замерла.

Вопрос был задан совершенно спокойно.

Без сомнения в моих знаниях.

Но почему-то мне захотелось ответить более уверенно, чем я чувствовала.

— Я сделаю все необходимое.

Рейнар посмотрел на меня несколько секунд.

— Я спросил не об этом.

Я нахмурилась.

— А о чем?

— Достаточно ли вам людей и оборудования.

Я отвела взгляд.

— Людей нет. Оборудование пока работает.

— Значит, нужно беречь и то, и другое.

Он не добавил, что я должна беречь себя.

Но я услышала это и без слов.

Я закрыла тетрадь.

— Постараюсь.

Он кивнул.

На этом разговор закончился.

После обеда я еще раз связалась с «Альмой».

Ветер ослаб настолько, что обмен флагами стал немного легче. Капитан подтвердила повреждение рулевого устройства и сообщила, что экипаж готовит временный ремонт.

Я передала расчет приливов и ожидаемое окно достаточной воды.

Ответ пришел короткий:

«Принято. Сверим по промерам. Продолжаем ремонт».

Именно так и должно было быть.

Никакая таблица не заменяла измерения глубины на месте.

Я записала время обмена и закрепила сигнальные щиты.

Затем занялась дневными работами.

Сначала проверила механический привод и шторки. Потом осмотрела запасные крепления. Следом спустилась к спасательной площадке, чтобы убедиться, что ночной подъем не повредил канаты.

Салазки пришлось оставить под навесом до более спокойной погоды. Я смыла с них соль и проверила металлические накладки.

На верхней площадке обнаружила царапину на камне, которой раньше не было.

След от полоза.

Я провела по нему пальцем.

Вчера вечером эта царапина появилась потому, что мне пришлось вытаскивать из воды мужчину, которого весь берег считал виновником гибели корабля.

Сегодня этот мужчина лежал у меня дома и помогал рассчитывать, сколько масла понадобится, чтобы спасти другое судно.

Жизнь иногда менялась быстрее, чем можно было успеть к этому привыкнуть.

Вернувшись к дому, я заметила дым над южной частью острова.

Тонкая темная полоска поднималась от домика Брама.

Значит, техник оставался там.

Я некоторое время смотрела в ту сторону.

Надо было спросить его о поставке.

И о бумагах.

Но сначала требовалось решить, как именно вести разговор.

Если он действительно ничего не знал, обвинять его было несправедливо.

Если знал...

Тогда демонстрировать оригинал поддельной приемки человеку, чья компания его составила, было бы глупо.

Я решила начать с простого вопроса о грузе.

На тропе встретиться с Брамом не удалось. Он, вероятно, работал у пристани.

Спускаться к нему сейчас я не стала.

Штормовой ветер все еще делал южный путь опасным, а оставлять раненого человека надолго без присмотра не хотелось.

Я вернулась на станцию.

Рейнар сидел на кровати, осторожно опираясь спиной на сложенные подушки.

Он держал в правой руке свой вощеный футляр.

Я остановилась в дверях.

— Кто разрешил вставать?

Он поднял глаза.

— Я не вставал.

— А сидеть?

— Я решил, что кратковременно смогу.

— И как?

— Болит меньше, чем я ожидал.

Я подошла к кровати.

— Это не означает, что вам нужно проводить весь день сидя.

— Я собирался лечь через несколько минут.

— Вот и прекрасно.

Рейнар посмотрел на футляр.

— Мне нужно кое-что показать вам.

Я замерла.

— Что именно?

— Документ, из-за которого я оказался на вашем острове.

Он осторожно открыл застежку.

Внутри лежали несколько сложенных листов.

Бумага была сухой.

Я придвинула стул.

— Откуда они?

— Из берегового склада снабженческой компании.

— Вы украли документы?

— Взял копию накладной, к которой у меня были основания обратиться в ходе собственного расследования.

Я внимательно посмотрела на него.

— Насколько законного расследования?

Рейнар не отвел взгляда.

— После моего отстранения у меня нет полномочий изымать имущество. Я не стану утверждать обратное. Но накладная касалась поставок, связанных с прежним крушением, и мне нужно было проверить направление отправки.

— То есть начальство может предъявить вам претензии?

— Может.

Ответ прозвучал без попытки оправдаться.

Я почувствовала, что это нравится мне больше, чем длинные объяснения о чрезвычайных обстоятельствах.

— Показывайте.

Он развернул лист.

На нем находился перечень оборудования, отправленного со склада за три дня до начала шторма.

Я сразу узнала печать компании.

Ту же, что стояла на поддельной приемке масла.

Рейнар указал на одну строку.

— Посмотрите.

Я наклонилась ближе.

«Комплект шторок для направленного светового аппарата».

Ниже стоял номер партии и отметка о доставке на Черный остров.

Я нахмурилась.

— Это не совсем обычный запасной материал.

— Почему?

— Потому что шторки изготавливаются под конкретный ритм сигнала. Для нашего маяка есть штатный запас. Еще один комплект мне не требовался.

— Вы уверены?

— Я сама составляю заявки на детали. За последние месяцы ничего подобного не заказывала.

Рейнар внимательно наблюдал за моим лицом.

— Возможно, поставку оформляли для соседней станции?

— Тогда адрес должен быть другим.

Я показала ему строку.

Черный остров.

Служебный склад.

— Здесь указана именно моя станция.

Он опустил взгляд.

— Значит, я не ошибся.

— В чем?

— В том, что груз отправили сюда.

Я перечитала документ.

В перечне были также крепления и специальный кожух для переносного светового устройства.

Название деталей заставило меня насторожиться.

— А зачем вам понадобилось проверять именно эту поставку?

Рейнар ответил не сразу.

Он сложил губы в тонкую линию и посмотрел на окно.

— После катастрофы у Мелового мыса обнаружилось несколько несоответствий в документах снабженческой компании.

— Каких?

— В основном по навигационному оборудованию.

Я ждала.

Рейнар продолжил:

— Я выяснил, что часть деталей числилась отправленной туда, где их никто не заказывал. Потом увидел эту накладную.

Он коснулся пальцем строки с названием Черного острова.

— Мне нужно было понять, зачем сюда направили дополнительный комплект.

— И вы полетели лично?

— Да.

— В такую погоду?

— Когда я вылетал, шторм еще не достиг берега.

Я посмотрела на перевязанное плечо.

— А рана?

Его лицо изменилось.

Совсем немного.

Но я заметила, как он напрягся.

— На складе произошел конфликт, — сказал он.

— С кем?

— С людьми компании.

— Они вас ранили?

— Да.

— Как?

Рейнар посмотрел на левое плечо.

— Болт попал в перепонку крыла. Во время падения я ударился о камень или часть разбитой деревянной конструкции. Точно не помню.

Я почувствовала холод в груди.

— В вас стреляли?

— Да.

Он произнес это так буднично, будто сообщил, что его застал дождь.

Я несколько секунд не находила слов.

— И вы после этого пытались лететь через море?

— Я уже находился в воздухе. Возвращаться к складу было нельзя.

— Почему?

Рейнар посмотрел на меня.

— Потому что люди, которые стреляли, оставались там.

Я опустила взгляд на накладную.

Внезапно она стала выглядеть совсем иначе.

Не просто ошибочная запись о ненужном оборудовании.

Документ, ради которого человека ранили.

Я вспомнила утреннюю поддельную приемку.

И приказ о прекращении работы маяка.

— Капитан...

— Рейнар, — поправил он.

Я подняла глаза.

— Что?

— Можете называть меня Рейнаром. По крайней мере пока я лежу в вашей комнате и не могу самостоятельно налить себе воду.

Я невольно улыбнулась.

Но почти сразу снова стала серьезной.

— Рейнар, вы считаете, что кто-то собирается использовать это оборудование?

Он посмотрел на бумагу.

— Я знаю только, что его отправили на остров. И что люди компании не хотели, чтобы я продолжал задавать вопросы.

— Этого мало для обвинений.

— Согласен.

Я была благодарна ему за этот ответ.

Он не пытался сделать из догадки установленный факт.

— Нам нужно сверить номера, — сказала я.

Рейнар повернул голову.

— С чем?

— С моей ведомостью оборудования. Возможно, комплект действительно предназначался для замены старых деталей, а уведомление просто задержалось. Если нет, у нас появится еще один вопрос к подрядчику.

— Хорошо.

Я поднялась.

— Только вы останетесь здесь.

Он посмотрел на меня.

— Я и не собирался уходить.

— На всякий случай предупреждаю.

Рейнар немного помолчал.

— Мне кажется, вы начинаете получать удовольствие от возможности отдавать мне распоряжения.

Я остановилась у двери.

— А вам не нравится?

Он посмотрел на собственную перевязанную руку.

— Сейчас у меня мало возможностей спорить.

— Тогда пользуйтесь редким случаем и отдыхайте.

Я вышла, услышав за спиной короткий смешок.

На этот раз он не сопровождался болезненным вздохом.

И почему-то от этого мне стало теплее.

В мастерской я нашла журнал заказов на запасные детали.

Потом еще один.

Следом — ведомость поступлений за последние полгода.

Бумаги пришлось разложить на столе, освободив место от инструментов.

Я внимательно проверила каждую заявку.

Последняя замена шторок проводилась больше года назад. Тогда из Ровена прислали один комплект, а снятый механизм после осмотра оставили в качестве аварийного резерва.

За это время я не заказывала новых шторок.

Не было и распоряжения об установке второго светового аппарата.

Значит, накладная Рейнара относилась к чему-то, о чем меня не уведомили.

Я достала таблицу заводских номеров.

Сверила партию.

Потом еще раз.

Номер на его копии не совпадал с установленным комплектом и не значился среди запасных деталей станции.

Может, заказ предназначался для другого объекта, а в накладной ошиблись с адресом?

Возможно.

Но после поддельной приемки масла мне все труднее было считать каждое новое расхождение случайным.

Я перенесла ведомости в комнату сменщика.

Рейнар лежал на подушках с закрытыми глазами.

Услышав шаги, открыл их.

— Нашли?

— Нашла то, чего не нашла.

Он нахмурился.

— Объясните.

Я положила бумаги на столик.

— Вот все заказы на шторки за последние два года. Вот журнал поступлений. А здесь заводские номера тех деталей, которые находятся на станции.

Рейнар осторожно взял карандаш правой рукой.

— Что нужно сравнить?

Я показала строки.

Он начал сверять.

Работал медленно, но внимательно. Несколько раз останавливался, чтобы перевести взгляд с одного листа на другой.

Я заметила, что его пальцы немного дрожат.

— Устали?

— Нет.

Я посмотрела на него.

Он тоже посмотрел на меня.

— Немного, — признался наконец.

— Тогда заканчиваем.

— Осталось две строки.

— Две строки можно проверить и через час.

Рейнар вздохнул.

Но карандаш положил.

Я забрала бумаги и сама закончила сравнение.

Результат не изменился.

Дополнительный комплект шторок действительно не был заказан станцией.

Я записала номера в свою тетрадь.

Рейнар наблюдал за мной.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

— Сохранить копию вашей накладной, если вы разрешите.

Он кивнул.

— Разумеется.

— Потом выяснить, куда доставили ящик. Возможно, он находится у Брама. У него есть доступ к нижнему служебному складу.

— Не стоит спрашивать его об этом наедине, — сказал Рейнар.

Я подняла глаза.

— Почему?

— Вы уже знаете, что люди компании пытались остановить меня силой.

— Это не означает, что каждый их работник опасен.

— Согласен. Но осторожность лишней не будет.

Я подумала.

Совет был разумным.

И опять он не пытался запретить мне действовать.

Просто объяснял, чем опасна ситуация.

— Сначала проверю свои документы, — сказала я. — Потом решу, как разговаривать с техником.

Рейнар кивнул.

— Хорошо.

Я убрала накладную в сухую папку.

Он позволил мне оставить копию, но вощеный футляр с остальными бумагами я вернула ему.

Это показалось правильным.

Пока мы оба не знали, что произошло, распоряжаться чужими вещами без необходимости было незачем.

Вечером я приготовила простую похлебку.

Рейнар ел неохотно, хотя после первого глотка горячего бульона признал, что проголодался.

Я устроилась напротив с собственной тарелкой.

На улице снова начинался дождь.

Ветер шумел в трубе, а за стеной мерно ходил привод, который я заранее проверила перед ночной работой.

— Вы давно живете здесь? — спросил Рейнар.

— На станции шестой год. До назначения несколько лет помогала отцу.

— Он тоже был смотрителем?

— Да.

— Значит, вы знаете остров с детства.

— Почти. Мы жили в Ровене, но я часто приезжала к нему во время каникул.

— И вам нравилось?

Я посмотрела на окно.

— Когда была маленькой, не очень. Здесь нельзя было сбежать к подругам, сходить на ярмарку или просто выйти погулять по городу. Зато можно было три часа смотреть, как чайки дерутся из-за рыбы.

— Звучит увлекательно.

— Вы просто не видели наших чаек. Это настоящие разбойницы.

— Возможно, мне стоит их опасаться больше, чем шторма.

— Однозначно. Особенно если у вас есть хлеб.

Он посмотрел на ломоть возле тарелки.

— Тогда лучше спрятать.

Я рассмеялась.

Он тоже.

Потом осторожно опустил ложку и поморщился, когда боль отозвалась в плече.

— Все, — сказала я. — Больше не буду вас смешить.

— Жаль.

Я подняла глаза.

Рейнар смотрел на меня спокойно, но в его голосе было что-то новое.

Не флирт.

Скорее, простое человеческое удовольствие от разговора.

Я поймала себя на том, что тоже не хочу заканчивать ужин.

Хотя нам обоим нужно было отдохнуть.

— Вы часто бываете на островах? — спросила я.

— По службе.

— И все время с таким прекрасным настроением?

— Обычно меня принимают лучше.

Я возмущенно посмотрела на него.

— Лучше? Вас вытащили из моря, перевязали, накормили и уложили в чистую постель!

— Все верно.

— Что же вам еще нужно?

Он чуть наклонил голову.

— Возможно, разрешение самостоятельно наливать воду.

Я не выдержала и засмеялась.

Рейнар улыбнулся.

Я вдруг поняла, что уже несколько минут не думаю ни о поддельной подписи, ни о нехватке масла.

Просто сижу напротив мужчины и разговариваю.

После вчерашней ночи это казалось почти роскошью.

Но время шло.

Скоро нужно было зажигать маяк.

Я поднялась.

— Мне пора.

Рейнар сразу перестал улыбаться.

— Свет?

— Да.

— Экономный режим?

— Уменьшенный. Капитан подтвердила, что при стоянке этого достаточно.

— Сколько останется утром?

— Пятнадцать литров, если все пройдет без потерь.

— Значит, еще есть время.

— Время есть. Масла мало.

— Я понял.

Он замолчал.

Я уже направилась к двери, когда услышала:

— Эльна.

Обернулась.

— Да?

— Спасибо за ужин.
Я улыбнулась.
— Пожалуйста.
— И за документы.
— Мы пока ничего не выяснили.
— Но начали.
Я посмотрела на бумаги, лежавшие на столике.
Он был прав.
Еще утром у меня имелся только поддельный акт о поставке масла.
Теперь появилась накладная на оборудование, которое я никогда не заказывала.
И раненый офицер, который утверждал, что ради этой накладной подвергся нападению.
Слишком много странностей для одного острова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.